

Елена Сага

БЫВШИЙ
Ты(не)папа

Елена Сага

Бывший. Ты (не) папа

«Литнет»

2025

Сага Е.

Бывший. Ты (не) папа / Е. Сага — «Литнет», 2025

— Раздевайся! — произнес он низким, властным голосом, не терпящим возражений, глядя мне прямо в глаза. За массивным столом из темного дерева сидел мой бывший. Он был не просто привлекателен — он был чертовски красив. Идеально сидящий на нем дорогой костюм подчеркивал спортивное телосложение, а во взгляде холодных оценивающих глаз читалась абсолютная уверенность в себе. Мы расстались пять лет назад с большим скандалом. Его мать, сочтя меня неподходящей парой ее расчудесному сыночку, придумала и воплотила в жизнь хитроумный план по исключению лишнего элемента из его жизни. А сегодня - мой первый рабочий день на новом месте. Он — мой босс. Сердце колотится где-то в горле, напоминая о том, что от этой работы зависит всё.***Читайте с удовольствием! Добавляйте в библиотеку, подписывайтесь на автора, чтобы не пропустить новые главы и важные новости.

© Сага Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Новая работа	5
Глава 2. Офисная драма	7
Глава 3. Я — тот, кто решает.	9
Глава 4. Кофе. Черный. Без сахара.	11
Глава 5. Невыполнимое задание	13
Глава 6. Первый выстрел	15
Глава 7. Разведка	17
Глава 8. Дом, милый дом	19
Глава 9. Срочное задание	21
Визуализация	24
Глава 10. Что теперь будет?	27
Глава 11. Передышка	29
Глава 12. Проблема улажена	32
Глава 13. Невеста	34
Глава 14. Кто ты?	36
Глава 15. Досье	39
Глава 16. Бесконечный день	41
Глава 17. Цунами	43
Глава 18. Своя игра	46
Глава 19. Планы на вечер пятницы	48
Глава 20. Встреча	50
Глава 21. Сюрприз	52
Глава 22. Ночной клуб	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Новая работа

Алиса.

— Раздевайся! — произнес он низким, властным голосом, не терпящим возражений, глядя мне прямо в глаза.

За массивным столом из темного дерева сидел мой бывший. Он был не просто привлекателен — он был чертовски красив. Идеально сидящий на нем дорогой костюм подчеркивал спортивное телосложение, а во взгляде холодных оценивающих глаз читалась абсолютная уверенность в себе.

Меньше всего я ожидала увидеть здесь ЕГО.

Мы расстались почти пять лет назад с большим скандалом. Его мать, Светлана Петровна, сочтя меня неподходящей парой ее расчудесному сыночку, придумала и воплотила в жизнь хитроумный план по исключению лишнего элемента из его жизни. После той истории, я — несправедливо обиженная двадцатилетняя девушка, была вынуждена переехать в другой конец города, чтобы только не иметь возможности пересечься с «любимым».

А сегодня — мой первый рабочий день на новом месте. Сердце колотилось где-то в горле, напоминая о том, что от этой работы зависит всё.

Мало того, что я оказалась без работы, без средств к существованию, а ведь от меня зависят еще два человека: мама и маленькая дочурка.

Так еще ипотека обещает стать неисполненным кредитным обязательством, и мы можем остаться без крыши над головой — квартиры, которую я сама выбирала.

Как только я в выходные обмолвилась о своей проблеме с работой, Оксана, моя лучшая подруга, мой ангел-хранитель, которая работает в этой компании бухгалтером, позвонила мне с предложением.

— Лисеныш, не кисни, — её голос в трубке звучал бодро, как утренний эспрессо. — У нас тут вакансия образовалась. Секретарь генерального. Зарплата более чем приличная.

Сердце ёкнуло от надежды.

— Правда? Это же отлично!

— Не спеши радоваться, — Оксана понизила голос. — Дольше недели тут никто не задерживается. Характер у гендира, того... странный. Наш шеф своеобразный, одним словом.

— Я не в том положении, чтобы выбирать и диктовать условия. «Не до жиру, быть бы живу». — с горькой иронией выдохнула я.

— Честно, даже не знаю, советовать тебе или нет. Но ты же почти в отчаянии. Кредит-то платить надо.

— Оксана, я готова хоть к самому чёрту на рога, лишь бы не потерять квартиру, — заявила я с решимостью, которой сама удивилась. — Попробовать стоит!

— Ну, смотри! В общем, Лиса, я предупрежу начальника отдела кадров, Тамару Павловну, а ты приходи завтра на работу. Начнешь с понедельника. К девяти.

— Подожди, а собеседование? — удивилась я.

— Какое, к чёрту, собеседование! — рассмеялась Оксана. — Сюда уже месяц никто не соглашается. Бери документы и приезжай. Позарез как срочно нужно приступить к работе.

Конечно, такая презентация рабочего места не предвещала ничего хорошего, но ежемесячный платеж никто не отменял.

Оксана продиктовала мне адрес, куда нужно было прибыть, название компании и список документов для оформления трудоустройства.

Я потратила вечер, пытаясь найти в сети хоть что-то о своём будущем шефе, Егоре Александровиче.

Информация была скудной и сухой. Ни намёка на характер, увлечения, слабости. Как будто с каждого, кто с ним работал, брали пожизненную подписку о неразглашении.

Это было немного странно, но меня это не волновало. Мне нужна работа, мне нужны деньги, а остальное решим по ходу.

Понедельник.

Наступило утро. Я отнеслась к себе очень придирчиво и оделась строго: чёрная юбка, белая блузка, легкий деловой пиджак и небольшой аксессуар — яркий шелковый платочек, повязанный на шею. Каблуки оставила дома — предчувствие подсказывало, что бегать придётся много.

Волновалась ужасно. Выехала заранее.

Офис компании, конечно, впечатлил. Он поразил своим масштабом снаружи, стерильной чистотой и тишиной внутри. Ориентироваться в незнакомом здании было непросто. Хорошо, что Оксана выдала полную навигацию с указанием этажа и номера кабинета.

Меня встретила Тамара Павловна — женщина-монумент в идеальном деловом костюме, с гладко собранным на макушке пучком и взглядом поверх стильных очков, способным заморозить лаву.

— Вы Алиса? Здравствуйте. Проходите, — её голос не выражал ни эмоций, ни интереса. Она быстро провела меня в приёмную — просторное, но пустоватое помещение с одним-единственным столом у огромного окна. — Ваше рабочее место. Егор Александрович уже в кабинете. Вникайте в процесс. В конце дня подойдёте ко мне с документами для оформления.

Она уже разворачивалась уйти, но на пороге обернулась и добавила с лёгкой, леденящей улыбкой:

— Если, конечно, захотите остаться.

Эти слова прозвучали как похоронный марш.

Теперь я понимала значение этих слов.

Приветствую всех читателей и благодарю за интерес к моей книге!

Прошу поддержать кнопочкой «Мне нравится» и комментарием. Автору это очень важно##

Глава 2. Офисная драма

Алиса.

Его глаза медленно проползли по мне с ног до головы, задержавшись на ярком платке. Изучив меня, он надел на лицо ухмылку.

Тишина в кабинете была настолько гнетущей, что я слышала, как стучит мое сердце. Его слова повисли в воздухе, тяжелые и нереальные, как свинцовые шары. Это было настолько абсурдно, что мозг отказывался это обрабатывать.

— Что? — это был не вопрос, а скорее хриплый, пересохший выдох. Я замерла на месте, не в силах пошевелиться.

Егор не повторил. Он медленно, с хищной грацией, поднялся из-за стола. Его высокий рост и широкие плечи вдруг показались угрожающими. Я все еще стояла у массивной двери кабинета. Он сократил расстояние между нами в несколько шагов. И вот он уже стоит прямо передо мной, заслоняя собой весь мир. От него пахло дорогим древесным парфюмом и холодной властью.

— Ты не расслышала? Или у тебя проблемы с исполнением прямых указаний руководителя? — его голос был тихим и вкрадчивым, но каждое слово впивалось в кожу, как игла.

Он внимательно смотрел на меня, изучая мое побледневшее лицо, широко раскрытые глаза. В его взгляде читалось не желание, а скорее холодный расчетливый интерес. Как будто он ставил жестокий эксперимент.

В груди все сжалось. Гнев, унижение, отчаяние — все смешалось в один клубок.

Вспомнила Оксану, ее предупреждения. Вспомнила ипотеку. Вспомнила дочь. Маму. Безденежье. Этот офис был моим последним шансом. Но это... это было выше моих сил.

— Я... я не буду этого делать, — голос дрожал, но я выпрямила спину, пытаюсь сохранить остатки достоинства. — Ты не имеешь права...

— Я имею здесь все права, Алиса, — он перебил меня, мягко и безжалостно. — Я — твой начальник, и обращайся ко мне соответственно.

Его взгляд скользнул по моему строгому офисному наряду, и в его глазах мелькнула тень насмешки. — Ты думаешь, это собеседование? Нет. Это проверка. Проверка на прочность. На послушание. На готовность выполнять любые, даже самые дурацкие, приказы. Девчонки, которых присылала Тамара Павловна, сбегали после первого же повышенного тона. Мне нужен человек с крепкими нервами. Человек, который не упадет в обморок от того, что на него накричат. Или скажут нечто шокирующее.

Он сделал еще шаг вперед. Я почувствовала исходящее от него тепло и непроизвольно отступила к двери.

— Так что, это был всего лишь тест? — вырвалось у меня, и в голосе зазвенела ненависть. Сердце все еще колотилось как сумасшедшее, но теперь к страху примешалась дикая ярость. — Заставить человека унижаться для проверки нервов? Это слишком, Егор Александрович.

Он на мгновение замер, и в его холодных глазах что-то мелькнуло. Что-то знакомое, то, что я помнила по прошлой жизни. Что-то человеческое.

— Меня мало интересуют чувства моих сотрудников. Меня интересует результат, — отрезал он, но в его интонации уже не было прежней леденящей уверенности.

Он отвернулся и прошелся к окну, глядя на раскинувшийся внизу город.

— Работа здесь — это не про комфорт и не про уютные чаепития. Это стресс, давление и постоянная готовность к нестандартным ситуациям. Если ты готова к этому, можешь остаться. Если нет... — он обернулся, и его взгляд снова стал непроницаемым. — Дверь за тобой. Тамара Павловна выдаст расчет за день. Как и всем предыдущим.

Я стояла, прижавшись спиной к холодной деревянной поверхности двери, пытаюсь перевести дух. Руки все еще дрожали. Уйти. Уйти сейчас же, хлопнуть дверью, сохранив свое достоинство. Вернуться к безнадежным поискам работы, к нависшей над семьей катастрофе.

Или остаться. Стиснуть зубы. Выдержать. Спасти свой дом.

Я посмотрела на него — на его безупречный профиль, на властно сжатые губы, на этого человека, который когда-то был самым близким, а теперь стал воплощением холодной, расчетливой жестокости.

— Хорошо, — прошептала я, заставляя себя оттолкнуться от двери. — Я остаюсь.

Он медленно повернулся ко мне, удивленно приподняв бровь. Казалось, он этого не ожидал.

— Что?

— Я сказала, я остаюсь, — голос окреп, в нем появились стальные нотки. Я расправила плечи и посмотрела ему прямо в глаза. — Мне нужна эта работа. И если для того, чтобы ее получить, мне нужно пройти ваш больно́й тест на прочность, то я его прошла. Вы не добились того, чего хотели. Я не разделась и не сбежала. Я здесь. Готова работать.

На его губах появилась едва заметная, кривая улыбка. В ней не было ни капли теплоты.

— Интересно, — произнес он задумчиво. — Очень хорошо, Алиса. Возвращайся на свое рабочее место. Наведи порядок в бумагах, которые тебе оставила предшественница. И приготовься. День только начинается.

Он повернулся спиной, давая понять, что разговор окончен. Я вышла из кабинета, притворив за собой тяжелую дверь, и прислонилась к стене в пустой приемной. Ноги подкашивались.

Я осталась. Но я не чувствовала ни капли победы. Только ледяную тяжесть в груди и щемящее предчувствие, что самые сложные испытания еще впереди. И что его появление в моей жизни — это не случайность. Это начало войны.

Глава 3. Я — тот, кто решает.

Егор.

Дверь закрылась за ней с тихим щелчком, оставив меня наедине с гулкой тишиной кабинета и оглушающим грохотом в моей голове. Алиса.

Я медленно прошелся к панорамному окну, сжав кулаки. Кончики пальцев впились в ладони, но эта физическая боль была ничто по сравнению с тем адом, что разверзся внутри.

Она вошла, и время рухнуло. Пять лет — к черту. Пять лет я выжигал ее из себя кислотой работы, бешеным драйвом, ледяным презрением ко всему. А она просто вошла.

Она изменилась. Исчезла та юношеская угловатость, появилась какая-то новая, зрелая женственность. И все такая же ослепительно красивая. Проклятая красота предательницы.

Мое сердце на секунду оборвалось. Воспоминания. Ее смех. Ее запах. Ее доверчивые глаза, смотрящие на меня, как на Бога.

А потом — словно следующий слайд — другая картина. Номер отеля. Приоткрытая дверь. И она, выходящая оттуда. Раскрасневшаяся. А там, на кровати, спит мой лучший друг. Руслан. Брат. Человек, которому я доверял больше всех.

Мне не нужны были подробности. Не нужны были оправдания. Сам факт. Место. Время. Его полуголая фигура на смятой простыне. Этого было достаточно. Достаточно, чтобы мир перевернулся с ног на голову. Чтобы почувствовать себя последним идиотом. Чтобы сгореть заживо от стыда и ярости.

Я оборвал все. Резко. Жестко. Без объяснений. Как трус. Мне было слишком больно смотреть на нее. Слишком унижительно слушать любые слова.

Мама потом твердила, что я все правильно сделал, что она мне не пара, что я избежал ошибки. Но ее слова были лишь бальзамом на растерзанную гордость. Они не лечили рану. Они ее консервировали.

И вот она здесь. Стояла в этом самом кабинете. Смотрела на меня этими глазами — теперь в них был испуг, гнев, вызов. И этот дурацкий, яркий шелковый платок на шее. Как будто ничего и не было. Как будто она не разбила мне сердце вдребезги.

Я ненавидел ее в эту секунду. Ненавидел за то, что она посмела появиться. За то, что выглядит так... невинно. За то, что заставила меня снова это все почувствовать.

Мой приказ вырвался сам собой. Жестокий, неадекватный, унижительный. Я видел, как она побледнела. И в какую-то долю секунды мне доставило удовольствие увидеть ее шок. Пусть почувствует и свою долю унижения. Пусть поймет, что здесь я — власть. Я — тот, кто решает. Я тот, кого больше никогда не предадут.

Я видел, как она собирается с духом. Как ищет слова. Такая же упрямая, как и раньше. И черт возьми, когда она выпрямила спину и сказала: «Я остаюсь», во мне что-то колыхнулось. Что-то похожее на... уважение? Нет. Не может быть. Это просто отчаяние. Она в отчаянном положении, раз приползла сюда.

Она думает, это тест на прочность? Пусть думает. Для меня это месть. Медленная, методичная месть.

Она не узнает. Ни за что не узнает, что каждый ее взгляд, каждый вздох — это пытка. Что под этой маской холодного начальника бушует тот самый дурак, который до сих пор помнит, как любил ее. Это бесит больше всего на свете.

Я все еще люблю ее. И я заставлю ее пожалеть о том дне, когда она переступила порог этого офиса. Она будет прыгать по моей указке. Она будет ненавидеть каждую секунду, проведенную здесь. И, в конце концов, она сломается и уйдет. Как и все.

И только тогда, может быть, я наконец смогу забыть ее. Или окончательно сойду с ума.

Я повернулся к окну спиной, к ее ушедшей тени за дверью.

— Приготовься, Алиса, — тихо прошептал я в тишину кабинета. — Ты даже не представляешь, что тебя ждет.

Глава 4. Кофе. Черный. Без сахара.

Алиса.

Я попыталась собраться с мыслями. Начала разбирать документы.

Всю первую половину дня я вникала в тонкости работы. Изучила на компьютере расписание шефа, узнала, когда и где у него запланированы встречи. Проанализировала информацию о совещаниях, которые будут проведены в ближайшие дни. Нашла на внутренних ресурсах телефонный справочник сотрудников компании, необходимый для оперативного связывания в случае необходимости.

Около полудня мне позвонила Оксанка. Переживает.

— Лисенок, привет! Как ты там? — слышу беспокойный голос подруги, отвечая на звонок.

— Все норм! Много дел.

— Понимаю, что занята, но может в обед отметим твой первый день? Тут недалеко хороший ресторанчик. Я покажу.

Оксана не оставляет меня без внимания, шутка ли - я на новом «ответственном посту».

Но я вынуждена отказать. Боюсь навлечь на себя гнев руководителя.

Раз уж наша встреча не состоялась, Оксана захотела успеть за время обеденного перерыва поправить маникюр в близлежащем салоне, поэтому предупредила меня, что ее телефон будет вне зоны действия сети. Мы договорились поболтать после работы.

Я на обед не пошла, решив лучше разобраться в работе.

Егор все это время был в кабинете. Время шло, ничего необычного не происходило. Сердце стало биться ровнее, нервы успокоились.

Но вдруг резкий, требовательный сигнал внутреннего телефона на столе заставил меня вздрогнуть. Сердце, только-только успокоившееся, снова бешено заколотилось, предчувствуя новую порцию адреналина. На табло горела лампочка линии начальника.

Я сделала глубокий вдох, пытаюсь собраться, и взяла трубку.

— Да, Егор Александрович?

— Кофе. Черный. Без сахара. Без всего. И срочно, — прозвучал в трубке его низкий безразличный голос, и на том конце положили трубку.

Ни «Алиса», ни «пожалуйста». Просто приказ. Я отложила телефон и потянулась за сумочкой, чтобы взять деньги.

Но потом остановилась. Где здесь вообще находится кофейня? Я не успела ничего узнать об инфраструктуре здания.

Собрав волю в кулак, я набрала номер Тамары Павловны.

— Тамара Павловна, здравствуйте, это Алиса, секретарь Егора Александровича. Подскажите, пожалуйста, где я могу взять кофе для шефа?

В трубке повисла короткая пауза, полная молчаливого осуждения.

— На минус первом этаже есть кофейный автомат. Но Егор Александрович пьет только свежесваренный. Автомат он не приемлет. Вам придется сходить через дорогу, в кофейню «Бразилия». Только там кофе, который он пьет, — ее голос звучал так, будто она сообщала мне заведомо невыполнимую миссию.

«Бразилия»... Я мельком видела ее по пути утром. Это было через две оживленные улицы. Туда и обратно — минут пятнадцать быстрым шагом, если не задерживаться в очереди.

— Спасибо, — выдохнула я и бросилась к лифту.

Спускаясь вниз, я чувствовала на себе любопытные взгляды сотрудников. Новенькая. Секретарь. Бегаёт за кофе. Я старалась не встречаться ни с кем глазами.

На улице дул пронзительный ветер. Пришлось бежать, плотнее закутавшись в легкий пиджак.

В кофейне, к счастью, почти не было очереди. Я заказала черный кофе без всего, как он и просил, и помчалась обратно, стараясь не расплескать драгоценный напиток.

Ворвавшись обратно в приемную, я запыхалась и была слегка взъерошена. Сердце бешено колотилось. Я поправила волосы, сделала еще один глубокий вдох и постучала в массивную дверь его кабинета.

— Войдите.

Я вошла, стараясь дышать ровнее.

Он сидел за своим столом, уткнувшись в документы, и даже не поднял на меня глаза.

— Ваш кофе, Егор Александрович, — поставила я бумажный стаканчик с дымящимся напитком на край стола, подальше от кипы бумаг.

Только тогда он медленно поднял на меня холодный взгляд. Его глаза скользнули по моему раскрасневшемуся лицу, по непослушной пряди волос, выбившейся из пучка, задержались на стаканчике.

— Двенадцать минут, — произнес он ледяным тоном. — Это не «срочно». Это неприемлемо. И зачем нужно было бежать на край света, когда кофемашина есть в соседнем, специально оборудованном для этого помещении? Научись рассчитывать время или не занимай место, если не способна справиться с элементарным поручением.

Во рту пересохло. Мне хотелось крикнуть, что я бегала через две улицы, что я не знала, что он такой привередливый, что я сделала все, что могла.

Но я лишь сжала пальцы в кулаки и опустила глаза.

— Вас поняла. Больше такого не повторится.

— Надеюсь, — он снова уткнулся в бумаги, махнув рукой в знак того, что я могу уходить. — И закрой дверь.

Я вышла, тихо прикрыв за собой дверь, и снова прислонилась к стене. В горле стоял ком. Это было унижительно. Больше всего на свете мне хотелось расплакаться от злости и бессилия. Но я сжала губы и прогнала слезы.

«Работа здесь — это не про комфорт», — вспомнила я его же слова.

Его ледяной голос звенел в ушах. Но гораздо большее жгло другое: «...кофемашина есть в соседнем, специально оборудованном для этого помещении».

Почему? Почему Тамара Павловна так поступила? Она что, не знала? Не могла не знать. Это была намеренная провокация, ловушка, в которую я так наивно прыгнула, стараясь сделать все как можно лучше. Она хотела выставить меня душой перед шефом с самого первого дня. И у нее это прекрасно получилось.

Я прошла к своему столу. Руки все еще слегка дрожали от адреналина и унижения. Я села в кресло, зажмурилась на секунду, заставляя себя успокоиться. Слезы не помогут. Злость не поможет. Нужно думать.

Но спокойствие, наступившее после первых унижений, оказалось недолгим.

Глава 5. Невыполнимое задание

Егор.

Я сидел в кабинете, глядя на дверь, за которой скрылась Алиса. Она думает, что будет просто? Нет. Во мне проснулся болезненный азарт, в добавок к нему присоединилась холодная, расчетливая решимость. Она должна почувствовать всю тяжесть моего положения. Всю ту боль, что я ношу в себе.

Я снова набрал ее внутренний номер.

— Зайди.

Она вошла, стараясь выглядеть собранной, но в ее глазах читалась усталость. Идеально.

— Компания «Вектор» выразила желание расторгнуть эксклюзивный договор. — начал я, откинувшись в кресле и сложив руки на столе. — Твоя задача — убедить их остаться.

Она слегка побледнела. «Вектор» — один из наших старейших и самых капризных партнеров.

— Тебе нужно подготовить исчерпывающий отчет по нашей совместной деятельности за последние три года, — продолжал я холодно. — Не просто цифры. Анализ эффективности каждой совместной акции, прогнозы потерь для них в случае разрыва. Плюс, предложить им новые, индивидуальные условия сотрудничества. Я хочу видеть готовый пакет документов на моем столе завтра.

Я видел, как она мысленно просчитывает часы. Это был адский объем работы, практически невыполнимый за один день.

— Егор Александрович, это... очень сжатые сроки, — осторожно сказала она.

— Компания «Вектор» ждать не будет, — парировал я, наслаждаясь ее беспомощностью. — Если ты не справляешься с должностными обязанностями, всегда можно написать заявление об увольнении. По собственному желанию.

Я подчеркнул последние слова, давая ей понять, что это ее единственный выход.

Она сжала губы, и в ее глазах вспыхнул тот самый огонь, который я в ней когда-то любил. Вызов.

— Я все сделаю, — четко сказала она.

— Прекрасно, — я кивнул, делая вид, что снова погрузился в бумаги. — Можешь идти.

Когда дверь закрылась за ней, я позволил себе кривую улыбку. Да, это было выполнимо. Но ценой бессонной ночи, выжатых сил и нервов. Я хотел видеть, как она борется. Как она надрыдается, пытаясь доказать мне и самой себе, что чего-то стоит. Я хотел быть тем камнем на ее пути, о который она будет спотыкаться, вспоминая, кому она всем этим обязана.

Алиса.

Он поставил меня перед выбором: сломаться или сражаться. И в его глазах я видела ожидание первого. Но он недооценил меня. Слишком многое было поставлено на карту.

Вернувшись к столу, я не стала тратить время на панику. Я открыла базу данных и погрузилась в изучение договоров с «Вектором». Цифры, даты, спецификации — всё это нужно было не просто собрать, но и осмыслить.

Позвонила Оксане. К счастью, она, вернувшись с маникюра, тут же ответила.

— Лиса, что-то случилось?

— Случилось, — без предисловий сказала я. — Оксан, мне нужна твоя помощь. Срочно.

Услышав о задании, она присвистнула.

— Да он с ума сошел! Это же на неделю работы!

— У меня есть ночь. Оксаночка, ты же знаешь, где хранятся финансовые отчеты по проектам? Мне нужны точные цифры по эффективности всех совместных акций.

— Конечно, знаю! — в ее голосе зазвучал боевой азарт. — Сейчас подниму всё, что есть. Встречаемся после работы у меня? У меня ноутбук мощный.

Так родился наш план. Мы встретимся у Оксаны и будем работать.

Я поняла, что сегодняшний день никогда не закончится, потянулась за ежедневником, чтобы механически перепроверить расписание на завтра, немного переключиться, отвлечься.

Помечая у себя в ежедневнике круг участвующих, мой взгляд скользнул по списку приглашенных на утреннее стратегическое совещание. И замер на одном имени.

Светлана Петровна Богданова.

Кровь отхлынула от лица, сменившись ледяной волной. Его мама. Та самая женщина, чей «хитроумный план» разлучил нас с Егором и перевернул мою жизнь.

Перед глазами, как вчера, встала та ужасная сцена. Паническое сообщение с номера Руслана: «Алиса, Егору плохо, он в отеле «Престиж», номер 307. Приезжай быстрее, я не справляюсь!». Мое безумное метание по городу, слезы, страх за него. Распахнутая дверь номера. И... спящий полураздетый Руслан. Я, покрасневшая от переживаний. И тут же появляющийся в дверях Егор. Его лицо, на котором сначала было недоумение, а потом ледяная маска боли, гнева и презрения. А где-то за кулисами, я уверена, стояла она, Светлана Петровна, наблюдая за триумфом своего замысла.

И теперь она будет здесь. Завтра. В этом здании.

Все встало на свои места. Тамара Павловна — ее надежный человек, ее глаза и уши в компании. А может, и ее правая рука. Мое появление здесь для них как кость в горле. И они сделают все, чтобы я не задержалась. Первая же просьба шефа — и мне тут же подставили подножку.

Я медленно закрыла ежедневник и отодвинула его от себя. По спине снова пробежал холодок, но теперь он сменился не страхом, а странным, холодным спокойствием.

Хорошо. Если это война, что ж, я не та наивная двадцатилетняя девочка, которой можно было манипулировать. У меня за спиной не просто разбитое сердце. За моей спиной — моя семья. Моя дочь. Мой дом, который я не позволю у себя отнять.

Дорогие читатели!

Рада, что вы со мной)

Глава 6. Первый выстрел

Алиса.

Я собрала волосы в тугой хвостик и провела ладонями по юбке, сглаживая невидимые складки. Я сделала несколько глубоких вдохов, заставляя дрожь в руках утихнуть. Унижение и ярость медленно отступали, уступая место максимальной собранности.

Пусть попытаются меня сломать. Посмотрим за кем будет победа.

Я взяла листок и четким почерком вывела:

«План выживания.»

«1. Изучить территорию.»

Больше никаких неожиданностей. Я обойду весь офис, запомню расположение каждого кабинета, кухни, комнаты отдыха. Особенно — той самой «специально оборудованной» кофейной комнаты.

«2. Найти альтернативные источники информации.»

Оксана — мой единственный союзник здесь. Нужно узнать у нее все о Тамаре Павловне, о внутренней кухне отдела кадров, о том, кто еще из сотрудников лоялен Светлане Петровне. Больше не могу позволить себе быть слепым котенком.

«3. Вести досье.»

Я открыла внутреннюю базу данных компании и начала методично собирать информацию. Не только о предстоящих встречах, но и о людях. Их должности, проекты, зоны ответственности. Любая мелочь может оказаться полезной. Особенно о Светлане Петровне Богдановой. Чем она занимается в компании? Какие у нее полномочия?

«4. Анти-подстава.»

Больше никаких устных указаний от Тамары Павловны. Все просьбы и поручения — только в письменном виде. Электронная почта, корпоративный мессенджер. Если отказывается — вежливо настаивать, ссылаясь на желание все делать идеально и не ошибиться.

Мой взгляд упал на бумажный подстаканник из «Бразилии», стоявший на краю стола. Я взяла его и выбросила в урну. Символический жест. С этого момента здесь действуют новые правила. Мои.

В конце рабочего дня внезапно зазвонил телефон. Внутренний. Но на этот раз не линия Егора.

Я взяла трубку, ответив максимально нейтральным профессиональным голосом:

— Приемная Егора Александровича, Алиса слушает.

— Алиса, — произнесла знакомая ледяная интонация. Тамара Павловна. — Как успехи с освоением? Ничего не путаете? Нужна ли помощь?

Ее сладковатый, фальшивый тон заставил меня внутренне сжаться. Но я была готова.

— Все в полном порядке, Тамара Павловна, спасибо за заботу, — ответила я ровно. — Как раз хотела уточнить. Чтобы в будущем избежать каких-либо недоразумений, как лучше поступать с поручениями от вас или от Егора Александровича? Фиксировать их в корпоративном чате или достаточно устного распоряжения? Хочу систематизировать рабочий процесс с самого начала.

На другом конце провода повисла короткая пауза. Она явно не ожидала такого вопроса и была ошарашена.

— Э-э... Конечно, все важные поручения лучше дублировать в письменном виде, — наконец выдавила она. — Для отчетности.

— Прекрасно, — мягко сказала я. — Тогда, пожалуйста, продублируйте мне в мессенджере вашу рекомендацию относительно кофейни «Бразилия» как единственно возможного места для покупки кофе Егору Александровичу. Я занесу это в закладки, чтобы не забыть.

Наступила более длительная пауза. Я почти слышала, как работают ее извилины, пытаюсь придумать отговорку.

— Знаете, я, возможно, погорячилась, — наконец сказала она, и ее голос потерял часть своей слащавости. — Кофе из соседней комнаты тоже вполне приемлем. Я уточню у Егора Александровича его предпочтения и сообщу вам официально.

— Буду очень признательна, — ответила я с легкой, абсолютно дежурной улыбкой, которая, я знала, не слышна в трубку, но влияет на тембр голоса. — Хорошего дня, Тамара Павловна.

Я положила трубку. Руки больше не дрожали. Внутри все было холодно и спокойно.

Первый выстрел в этой войне был сделан. И он был за мной.

Я взяла телефон и набрала мамин номер.

— Мам, привет, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Я сегодня задержусь. Не волнуйся, пожалуйста, все хорошо, просто нужно кое-что доделать на новом месте. Забери, пожалуйста, Аленку из садика, покорми ужином, поиграй с ней. Если я не успею, уложи ее спать, ладно?

Мама, конечно, начала расспрашивать, как проходит день, но я мягко уклонилась от ответов, повторив, что все отлично, просто много информации.

Завершив разговор, я еще раз обвела взглядом пустую приемную.

Часы на стене показывали без десяти семь. В офисе воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим гудением системного блока под столом.

Сил практически не осталось, но я усердно изучала документы на мониторе, анализировала имеющиеся материалы по «Вектору», краем глаза наблюдая за дверью кабинета Егора.

Наконец, она распахнулась. Он вышел, уже в пальто, с портфелем в руке. Его взгляд скользнул по мне абсолютно безучастно, как по предмету мебели. Он прошел мимо, не сказав ни «до завтра», ни «можно идти», ни чего бы то ни было еще. Лишь ровные, уверенные шаги по коридору, затихающие у лифта.

Я дождалась, пока спускающийся лифт не стих, и позволила себе расслабиться, откинувшись на спинку кресла.

Первый день, который можно было смело назвать адским, подошел к концу. Но мой день еще не закончился.

Глава 7. Разведка

Алиса.

Я подождала еще минут пятнадцать, убедившись, что он не вернется за забытыми бумагами. Затем встала и, стараясь делать вид, что просто задерживаюсь на рабочем месте, двинулась по коридору.

Я не забыла о своем «Плане выживания», пункт 1 — «Изучить территорию». Я постаралась обойти каждый уголок офиса, запомнить каждую деталь. Для того, чтобы я была готова не просто обороняться, а чтобы я была готова к атаке.

Проходя мимо отдела кадров, я увидела, что кабинет Тамары Павловны, конечно, был уже пуст. Но свет в соседнем помещении — общем отделе, где сидели младшие менеджеры, — еще горел.

Я заглянула туда. За одним из столов хлопотала молодая девушка с усталым видом, собирая вещи.

— Простите, не подскажете? — мягко начала я. — Первый день, хотела уточнить по поводу оформления документов.

Девушка взглянула на меня без особого интереса.

— Тамара Павловна уже ушла. Приходите завтра.

— Да я понимаю, — сделала я максимально несчастное и потерянное выражение лица. — Просто я новенькая, секретарь Егора Александровича... Алиса. Боюсь, уже в первый день не угодила шефу с кофе. Вы не знаете его предпочтения? Я не хочу облажаться в будущем. Вот, на всякий случай пришла узнать, не было ли распоряжений о моем увольнении. Вы не в курсе?

Лесть и наигранная беспомощность часто творят чудеса. Девушка смягчилась, явно польщенная, что к ней обратились за советом.

— О, с Богдановым вам повезло, — она скептически хмыкнула. — Он сам не знает, чего хочет. Но кофе ему вроде носят из «Бразилии», да. Хотя, между нами, наша машина тут ничуть не хуже.

— Понятно, — кивнула я с облегчением. — Спасибо, вы меня прямо спасаете. А то я уже вся изнервничалась. Еще и слышала, завтра важное совещание, его мама будет... Светлана Петровна. Наверное, тоже строгая...

Я сделала паузу, надеясь, что она подхватит ниточку.

Девушка понизила голос, с удовольствием окунаясь в офисные сплетни.

— О, это да. Она тут у нас королева-мать. Все должно быть только так, как она скажет. Она вообще ему невесту сама лично выбирала, Кристиночку. Такая вся из себя идеальная, с маникюром и в дизайнерских шмотках. Светлана Петровна ею просто бредит.

Мое сердце на секунду замерло. «Невеста».

— Правда? А Егор Александрович? Они скоро под венец? — я постаралась изобразить простое любопытство.

— Ну, кто его знает, — девушка пожала плечами, накидывая пальто. — Вроде все к тому идет. Поженились бы уже давно, наверное, если бы он так не вкалывал. Работает круглыми сутками, ей, бедной, внимания мало уделяет. Но что поделать, маменькин сыночек, против воли матушки не пойдет. Вам удачи, — кивнула она мне на прощание и направилась к выходу.

Я осталась стоять посреди пустого коридора, переваривая информацию. «Кристина. Невеста. Выбранная мамой. Маменькин сыночек.»

Странное чувство — смесь облегчения и новой, неизведанной боли — сковало грудь. Значит, у него все хорошо. У него есть будущее, одобренное его матерью. Та самая жизнь, от которой меня когда-то так старательно «избавили».

Собравшись с мыслями, я вернулась на свое место. Быстро собралась, ведь я помнила о «невыполнимом задании», и отправилась к Оксане – моей «палочке-выручалочке».

Горький чай, бесконечные таблицы и распечатки, поддержка подруги — все это стало моим оружием против его попытки меня сломить.

Мы не просто собирали цифры. Мы выстраивали железную аргументацию, показывая, что разрыв «Вектора» с нами станет для них огромной ошибкой. Мы сосредоточились на главной задаче, не отвлекаясь ни на что. Вдвоем мы справились достаточно быстро.

По дороге домой, анализируя сегодняшний день, я понимала, что теперь у меня была цель. Не просто выжить. А понять. Понять, что на самом деле происходит в жизни человека, который когда-то был всем для меня. И почему мысль о его «идеальной» невесте причиняла такую острую, колющую боль.

Глава 8. Дом, милый дом

Алиса.

Домой я вернулась поздно, совершенно разбитая, и на меня сразу же, как ураган, налетело что-то маленькое и теплое.

— Мамочка! Мамочка! А у нас сегодня в садике солнышки из бумаги клеили, и я свое на окошко повесила, всем светит! — Аленка, в своих тапочках-зайчиках, запрыгнула ко мне на руки, обвивая мою шею цепкими ручками.

Я прижала ее к себе, вдыхая знакомый запах детского шампуня и безграничной любви. Весь день я держала в голове ее образ, как талисман, и сейчас он материализовался, снимая часть дневного напряжения.

— Здравствуй, моя радость, — прошептала я, целуя ее. — Какая ты у меня молодец! Ты почему еще не спишь?

Из кухни доносился аппетитный запах жареной картошки с грибами. На пороге кухни, обмахиваясь полотенцем, стояла мама. Ее лицо озарилось теплой, но обеспокоенной улыбкой.

— Ну, наконец-то! Мы уж заждались. Кексик, отойди, дай человеку раздеться! — она мягко отогнала кота, который терся о мои ноги, громко мурлыча.

Домашняя суэта, привычные звуки и запахи — все это было бальзамом для моей издерганной души. Я повесила пальто, стараясь отогнать прочь образ ледяного кабинета и властного взгляда.

Но мысль о завтрашней встрече со Светланой Петровной сидела в мозгу, как заноза. Она не выходила из головы.

Мы сели ужинать. Аленка без умолку рассказывала о своих детсадовских подвигах, хотя давно уже должна была видеть сны, а мама внимательно смотрела на меня через стол.

— Ну, как всё прошло, дочка? — спросила она наконец, отложив вилку. В ее глазах читалась тревога. — Рассказывай. Не томи.

Мое сердце сжалось. Я видела, как она волнуется. Вспомнила, какой ценой далось ей наше относительное спокойствие. Ту ночь, когда я, рыдая, рассказала ей о недоверии Егора. Ее бледное, испуганное лицо. А потом — переезд, новость о моей беременности, поиски хоть какой-то работы... И ее инфаркт. Отчаяние, обида за меня, страх за наше будущее — все это подкосило ее. Она восстанавливалась медленно и тяжело. Ее здоровье, ее покой были теперь для меня главным приоритетом.

Я не могу позволить ей снова волноваться. Не могу говорить, что мой шеф — тот самый человек, который сломал нам жизнь. Что он уже не тот, он стал холоднее и жестче. И что завтра мне предстоит встреча с архитектором нашего несчастья — его матерью.

Я собрала всю свою волю в кулак, заставила губы растянуться в самой искренней улыбке, какую только смогла изобразить.

— Всё замечательно, мам! — сказала я бодрым голосом, который прозвучал почти естественно. — Офис большой, современный. Коллеги пока молчат, но я же новенькая, это нормально. Работа интересная, много всего предстоит освоить. В общем, все здорово!

Мама внимательно посмотрела на меня, словно проверяя на правдивость, но потом кивнула, и ее лицо расслабилось.

— Ну, слава Богу. Я так за тебя переживала. Главное, чтобы тебя не загружали слишком сильно.

— Всё в порядке, справлюсь, — пообещала я, переводя взгляд на тарелку.

После ужина были вечерние ритуалы: купание Аленки, чтение сказки про храброго зайчика, который всех победил (я читала ее с особым чувством), колыбельная. Наконец, дочка

уснула, сжимая в руке мою прядь волос. Я высвободилась, на цыпочках вышла из комнаты и закрыла дверь.

Тишина. Только тикают часы в прихожей. Я добралась до дивана и почти рухнула на него, чувствуя, как дрожь наконец-то отпускает моё измождённое тело. Весь день я провела в осадном положении, отбиваясь от невыполнимых поручений и ядовитых взглядов. И за этим ураганом событий я совершенно забыла о самом главном. О втором пункте своего «*Плана выживания*» — создать альтернативные источники информации.

Я потянулась к телефону и набрала номер, который знала наизусть.

Оксана сняла трубку практически сразу, будто ждала.

— Лиса! Что-то произошло? — ее голос звенел от беспокойства.

С Оксаной мы познакомились уже после переезда, в самой гуще моих бед. Она не знала всей истории с Егором, не видела того светлого периода любви. Но она стала моим ангелом-хранителем, всегда поддерживала меня, обожала Аленку и выручала в самых трудных ситуациях. Я доверяла ей безгранично.

И сейчас я выложила ей всё. Сначала сдержанно, потом, срываясь на шепот и смахивая предательские слезы, рассказала о встрече с Егором. О его ледяном приеме. О зловещей роли Тамары Павловны. И о том, что завтра ждет встреча со Светланой Петровной.

— Оксана, ты даже не представляешь... Та подстава, которую она тогда провернула... Это был шедевр коварства, — голос у меня задрожал, и я снова ощутила тот давний ужас и унижение. — Меня до сих пор дрожь пробирает, когда вспоминаю. От нее можно ждать чего угодно.

В трубке повисло молчание, подруга отходила от шока.

— Боже мой, Лиска... Я... я не знала. Я просто знала, что у тебя было тяжелое расставание, но чтобы так... — она выдохнула. — И теперь он твой начальник? И его мамаша тут заправляет? Да это же кошмар!

— Оксана, мне снова нужна твоя помощь, — сказала я тихо, но очень четко. Вся усталость куда-то ушла, осталась только твердая решимость. — Вся информация, какая только есть. О Егоре. О Светлане Петровне. О Тамаре Павловне. Кто они здесь? Какие у них связи? Кто на их стороне? Я должна знать, с кем имею дело. Я должна быть готова ко всему.

— Конечно, Лисенок, конечно! — тут же откликнулась Оксана. — Все, что смогу узнать, все тебе перескажу. У нас тут своя сеть осведомителей в курилке, — она попыталась пошутить, но голос все еще дрожал. — Держись, родная. Ты не одна.

Я закончила разговор и закрыла глаза. Завтра будет битва. Но у меня был тыл. Дом, где меня любят. И верный друг. Этого пока достаточно, чтобы снова надеть доспехи и выйти на поле боя.

Глава 9. Срочное задание

Алиса.

Вторник.

На утро я пришла в офис раньше положенного, чувствуя себя как натянутая струна.

Папка с безупречным отчетом лежала передо мной на столе.

Он вошел без десяти девять. Его взгляд скользнул по папке, затем по моему лицу, на котором, я надеялась, читалась лишь холодная собранность.

— Отчет по компании «Вектор», Егор Александрович. Как вы и требовали.

Он молча взял папку, пролистал. Ни тени удивления или одобрения. Лишь легкое напряжение в скулах.

— Хорошо, — было всё, чем он удостоил меня, прежде чем скрыться в кабинете.

Не было «спасибо». Не было признания ночного подвига. Но в этом и была его цель — не оценить, а измотать. Сначала унижить беготней за кофе, затем задавить невыполнимым заданием.

Но он проиграл этот раунд.

Я включила компьютер. Каждый нерв был наготове, каждая клетка ожидала атаки. Я приготовилась к худшему: к ледяному взгляду Светланы Петровны, к ее ядовитым ремаркам, к новым подставам от Тамары Павловны.

Но вместо этого, едва я успела приступить к работе, раздался резкий звонок с линии Егора.

Его ледяной голос потребовал моего присутствия.

Я, сделав глубокий вдох, вошла в кабинет. Он сидел за столом, его лицо было невозмутимо, но в глазах я заметила тень какого-то странного, почти тревожного напряжения.

— Садись, — бросил он коротко, не глядя на меня.

Я молча опустила на стул напротив, ожидая очередного унижительного поручения.

— У меня для тебя срочное задание, — начал он, наконец подняв на меня взгляд. Его глаза были холодны, но в них не было привычной насмешки. — Нужно съездить на складской комплекс на окраине города. Там возникли неполадки с приемкой товара по договору № Д-2212. Нужно во всем разобраться на месте, сверить документы, составить акт и привезти все мне. Это срочно и важно.

Я замерла. Складской комплекс? Это как минимум полдня, а то и больше. А совещание? Светлана Петровна?

— Но... Егор Александрович, — осторожно начала я, — сегодня же стратегическое совещание с вашим участием и... Мое присутствие необходимо для протокола и...

— Я в курсе своего расписания, — резко перебил он. Его голос стал жестче. — Твоя задача — выполнить поручение. Совещание пройдет и без тебя. Тебя будет сопровождать мой личный водитель Евгений. Он ждет тебя внизу у служебного входа. Машина с темными стеклами, черный Mercedes. Все документы по договору уже в машине. Немедленно приступай.

В его тоне не было места для возражений. Но что-то внутри меня насторожилось. Слишком удобно. Слишком вовремя. Он убирал меня с глаз долой именно тогда, когда его мать должна появиться. Почему? Жалость? Сомнения? Или он просто не хочет лишних сцен?

Мысли промелькнули молниеносно. Я не могу уехать. Я больше не могу бежать. Не могу позволить и дальше диктовать мне правила. Если я сейчас уйду, то так и останусь в ее глазах — бессловесной девчонкой, которую можно было с легкостью вышвырнуть из жизни ее сына. Но и отказаться — значит подписать себе приговор.

— Я поняла, — кивнула я, поднимаясь. — Я сейчас же спущусь к водителю.

Выйдя из кабинета, я не пошла к лифту. Я практически побежала в туалетную комнату, заперлась в одной из кабинок. Дрожащими руками достала телефон.

«Мама, срочно!» — написала я сообщение. — «Мне нужно, чтобы ты подменила меня на пару часов. Сейчас за тобой заедет машина, тебя отвезут по одному адресу, ты просто посидишь там, пока все не решится. Аленка в саду, все ок. Это очень важно! Пожалуйста, ни о чем не спрашивай, я все объясню потом. Жди у подъезда через 10 минут. Машина черная, водитель Женя».

Ответ пришел почти мгновенно: «Хорошо, дочка. Выхожу».

Я выдохнула с облегчением.

Мама, моя тихая, спокойная мама, которая никогда не вмешивалась в мои рабочие дела, всегда готова помочь без лишних вопросов. Я знала, она справится. Ей просто нужно будет посидеть в машине, пока водитель будет решать дела на складе. А я получу драгоценное время.

Быстро придя в себя, я вышла из уборной и деловым шагом направилась к лифту.

Спустившись на первый этаж, я нашла служебный выход и выглянула на улицу. У обочины действительно стоял черный Mercedes. Рядом курил крепко сбитый мужчина лет пятидесяти в темной униформе — видимо, тот самый Евгений.

Я подошла к нему.

— Евгений? Я Алиса, секретарь Егора Александровича. Меня должны отвезти на склад.

— Так точно, — кивнул он, выбрасывая окурочек. — Готовы к выезду?

— Да, но есть небольшое изменение, — сказала я максимально уверенно. — Со мной поедет моя помощница, она встретит нас у моего дома. Это необходимо для работы с документами на месте. Это согласовано.

Женя пожал плечами, совершенно не заинтересованный в деталях.

— Как скажете. Садитесь.

Через пятнадцать минут мы были у моего дома. Мама уже ждала у подъезда, одетая в свое самое лучшее пальто, с неизменной сумкой через плечо. Я вышла из машины и быстро подошла к ней.

— Мам, вот что, — зашептала я, помогая ей сесть на заднее сиденье. — Ты едешь на склад. Это просто формальность. Ты ничего не делаешь, просто сидишь в машине или в офисе, если пригласят. Водитель все решит сам. Если что-то спросят, говори, что ты от меня, помощница, и ждешь инструкций. Все будет хорошо.

Она кивнула, ее глаза были полны спокойствия и полного ко мне доверия.

— Не волнуйся, Алис. Разберись тут со своими делами.

Я закрыла дверь и отступила на шаг. Машина тронулась и скрылась за поворотом. Я осталась стоять на холодном ветру, чувствуя комочек вины в горле за то, что втянула ее в это. Но другого выхода не было.

Развернувшись, я поймала первую же попутную машину и помчалась обратно в офис, зная, что там будет Светлана Петровна. Это было чистым безумием, на которое меня толкала буря, бушевавшая внутри. Егор, видимо, пытаясь оградить себя от скандала, буквально выпроводил меня на склад с придуманным срочным поручением.

Но я не могла уйти. Пять лет я бежала. Пять лет я прятала свою боль, свою сломанную жизнь. Пять лет она, Светлана Петровна, была для меня призраком, тенью, которая отравила все мое счастье. А теперь эта тень обрела плоть и кровь и сидела в кабинете моего босса.

Я вернулась в офис. Каждый шаг по знакомому коридору отдавался гулким стуком в висках. Я не строила планов, не репетировала речи. Мною двигала лишь одна, до животного состояния ясная потребность — встретиться лицом к лицу с причиной моего несчастья и посмотреть ей в глаза.

Я хотела увидеть в них триумф? Злорадство? Холодное безразличие? Не знаю. Но я должна была увидеть. Должна была доказать прежде всего себе, что я больше не та беззащитная Алиса, которая повелась на ее подлую инсценировку и поверженная ушла.

Вернувшись в приемную, я замерла у двери кабинета Егора, прислушиваясь. Из-за тяжелой двери доносились приглушенные голоса — совещание было в самом разгаре. Сердце бешено заколотилось, но уже от другого чувства — я успела.

Визуализация

Алиса глазами автора

Алиса – женщина, чья красота не бросается в глаза с первого взгляда, но раскрывается постепенно, как цветок. В ней нет гламурной яркости, ее очарование – в тонкой, лиричной гармонии черт.

Глава 10. Что теперь будет?

Алиса.

Я бесшумно прошла к своему столу и опустилась в кресло, стараясь дышать ровнее. На мониторе замигало уведомление о новых письмах. Идеальное прикрытие. Я погрузилась в работу, делая вид, что никогда и не уходила, а мое внимание целиком занято входящей корреспонденцией. Каждые несколько секунд мой взгляд непроизвольно скользил по двери, ожидая развязки.

Прошел примерно час. Наконец, дверь распахнулась, и из кабинета потоком хлынули участники совещания — серьезные мужчины в дорогих костюмах и деловые женщины с планшетами в руках. Они оживленно обсуждали что-то между собой, их лица были сосредоточены. Светланы Петровны среди них не было.

Я опустила глаза в монитор, делая вид, что усердно работаю. Краем глаза я заметила, как последние сотрудники скрылись в лифте, и в приемной воцарилась тишина. Слишком тихо.

И тогда дверь кабинета открылась снова. Оттуда вышла Светлана Петровна. Ее лицо светилось, она что-то оживленно говорила своему сыну, идущему рядом. Она была вся — воплощение удовлетворения и власти.

И тут ее взгляд упал на меня. Воздух словно сгустился.

Эффект был мгновенным и сокрушительным. Ее улыбка погасла, затем сползла с лица, словно ее стерли ластиком. Глаза расширились от неподдельного шока. Она замерла на месте, будто наткнувшись на невидимую стену.

— Ты... — это было не слово, а хриплый выдох, полный ненависти и неверия.

Затем она резко, всем телом, развернулась к Егору. Ее палец с идеальным маникюром трясся, указывая на меня.

— Егор! Что ЭТА здесь делает?! — ее голос взвизгнул до неприличных тонов, превратившись в истеричный крик. — Эта... эта вертихвостка!

Она резко развернулась и уже не смотрела на него, ее взгляд, полный яда, впился в меня.

— Ты что, решила преследовать Егора?! Не получится! Слышишь меня? Не получится! Мой сын женится на Кристине, и никакая проходимка, как ты, не помешает!

Она задыхалась от ярости.

— Убирайся отсюда! Немедленно! Я не позволю тебе испоганить его жизнь!

В воздухе повисла тяжелая, гнетущая пауза.

И в этот миг вся моя ярость, все обиды и слезы сконцентрировались в одном единственном чувстве — ледяном, безжалостном спокойствии. Я не опустила глаз. Не сгорбила плечи. Я выпрямилась и встретила ее взгляд. Без вызова, без мольбы. Просто... смотрела. Позволяя ей видеть в моих глазах все — и ту девушку, которую она сломала, и ту женщину, которая выжила, несмотря ни на что.

Я медленно поднялась из-за стола, сохраняя внешнее спокойствие, которого не было внутри. Мои ладони были влажными, но голос прозвучал ровно и холодно, как сталь.

— Светлана Петровна, вы ошибаетесь. Я здесь не для того, чтобы кого-то преследовать. Егор Александрович — мой непосредственный начальник, а я — его секретарь. Исключительно рабочие отношения. Я никоим образом не угрожаю личному счастью вашего сына, и у вас нет причин для беспокойства.

Егор, бледный и сжатый, как пружина, наконец пришел в себя. Он резко шагнул вперед, бросив острый взгляд на меня, решительно взял мать под локоть, его пальцы впились в дорожную ткань ее пальто.

— Мама, хватит! — его голос прозвучал резко и властно, не оставляя пространства для возражений. — Немедленно прекрати этот спектакль. Я все объясню тебе. Но не здесь. Пойдем.

Он почти силой развернул ее и повел к лифту, не глядя на меня. Она пыталась что-то выкрикивать, протестовать, но его лицо было каменным. Дверь лифта закрылась за ними, поглотив истерику и оставив после себя оглушительную тишину.

Я медленно опустилась обратно в кресло, чувствуя, как дрожь наконец-то пробирается сквозь ледяное спокойствие. Я смогла. Это было мое заявление о том, что я вернулась. И что ее власть над моей жизнью закончилась. Что теперь будет?

Оставшееся до конца рабочего дня время текло медленно и почти невыносимо спокойно. Каждый скрип лифта, каждый отдаленный шаг в коридоре заставлял меня вздрагивать и сжиматься внутри в ожидании нового взрыва. Я ждала, что Егор вернется — холодный, яростный, готовый выплеснуть на меня всю злость за сорванный разговор с матерью. Ждала нового звонка от Тамары Павловны с уведомлением об увольнении. Ждала чего угодно.

Но ничего не происходило.

Тишина в приемной была звенящей, нарушаемая лишь моим собственным дыханием и тиканьем часов на стене. Я механически обрабатывала почту, отвечала на нейтральные запросы, подписывала документы, которые приносили осторожные коллеги из других отделов.

Они бросали на меня быстрые, любопытные взгляды — новость о скандале в приемной гендиратора, должно быть, уже разнеслась по офису со скоростью света.

Но никто не задавал вопросов. Никто не лез. Было ощущение, что все замерли в ожидании, затаив дыхание, наблюдая.

И это затишье пугало.

Ближе к концу рабочего дня в приемную осторожно вошел Евгений, личный водитель Егора. Утром я была настолько занята своими мыслями, что не обратила особого внимания на него. Теперь же я его рассмотрела лучше. Крепкий мужчина лет пятидесяти, с спокойными, добрыми чертами лица, он производил впечатление надежного и душевного человека. Сейчас он выглядел немного смущенным.

— Алисочка, можно к вам? — тихо спросил он.

— Да, конечно, Евгений. Проходите. Как дела на складе?

— Да все улажено, — он махнул рукой, протягивая мне привезенные документы. — Товар приняли, акты подписали, все как вы велели. Никаких проблем. И вашу помощницу, Любовь Ивановну, я домой отвез. Очень... очень милая женщина. — Он даже немного покраснел. — Приглашала меня в гости на пироги. Мы договорились созвониться.

Я смотрела на него, и напряжение последних часов стало потихоньку рассеиваться, уступая место теплой, неожиданной волне нежности. Мама... Настоящий ангел. Даже в такой ситуации она умудрилась создать вокруг себя атмосферу добра и уюта.

— Спасибо Вам большое, Евгений, — искренне улыбнулась я ему. — Вы мне очень помогли.

— Не за что, — он смущенно потупился. — Вы уж тут... держитесь. — И, кивнув, поспешил ретироваться.

Я осталась одна в тихой приемной. Произошедшее днем казалось сюрреалистичным кошмаром. Но сквозь трещины в этом кошмаре пробивался маленький лучик света. Нежданное знакомство мамы. И тот факт, что я выстояла. Выдержала самый яростный натиск.

Глава 11. Передышка

Алиса.

Ровно в шесть часов я закрыла все программы на компьютере. Никаких указаний от Егора не поступало. Никаких сообщений от Тамары Павловны. Я собрала свои вещи с ощущением, что пережила не один день, а целую вечность.

Выйдя из здания, я вдохнула прохладный вечерний воздух полной грудью. Он пах свободой и передышкой. Сражение сегодняшнего дня было окончено. Пусть с неясным исходом, но я не отступила, сохранив свои позиции.

Дорога домой прошла в размышлениях. Я анализировала каждое слово, каждый жест. Его реакцию. Его попытку убрать меня. Его молчание после. Это не было похоже на чистую ненависть. В этом была какая-то странная, извращенная... забота? Или просто нежелание лишнего скандала в стенах офиса?

Уже подходя к дому, я решила позвонить Оксане. Мне была важна любая информация. Я набрала номер, чувствуя, как сжимается желудок от предвкушения и тревоги.

Оксана сняла трубку практически сразу, ее голос звучал взволнованно.

— Лис! Я вся извелась! Говори, что там у тебя? Говорят, что Светланище вылетела из приемной, красная как рак, и Егор ее почти силой в лифт затолкал! Все офисное болото шепчется!

— Оксаночка, привет, — выдохнула я, садясь на край скамейки у подъезда. — День был... тот еще. Но я жива. Ты говорила, узнаешь что-нибудь. Есть что-то?

— О, милая, будь готова, — ее голос стал тише, полным драматизма. — Я сегодня в курилке, как Шерлок Холмс, работала. Так вот, слушай. Про нашего гендира.

Я замерла, вцепившись в телефон.

— И что?

— Все, как один, твердят — трудоголик. Не человек, а робот. Он эту компанию с нуля поднял, сам, без мамочкиных денег, представляешь? Вкалывал сутками. И всех заставляет так же. Никому спуска не дает. Холодный, как айсберг, деспотичный. Поэтому у него секретарши долго не задерживаются — ни одна не выдерживает его темпа и характера.

Сердце почему-то сжалось. Это не совсем совпадало с тем молодым, пылким Егором, которого я знала. Но было похоже на правду.

— А что... с невестой? — почти прошептала я.

Оксана фыркнула.

— А, это Кристиночка! История вообще банальная. Ее мамаша — лучшая подруга Светланы Петровны. Девушка учится на журналистке, последний курс. Но, похоже, ее главный предмет — «Как выйти замуж за богатого и властвовать». Наглая, самоуверенная, ходит по офису, как по своему будущему владению, всех критикует, советы раздает.

— И он с ней...? — мне было трудно выговорить.

— Говорят, он с ней холоден, как и со всеми. Она его, по слухам, дико боится, перед ним стелется, ага. А вот на сотрудниках отрывается — знает, что связываться с ней никто не будет, все работу берегут. Так что держи ухо востро, если она к тебе пожалует. Эта кукла с характером.

Я молча переваривала информацию. Пазл складывался в мрачную, но четкую картину. Егор, закованный в лед собственной обиды и одержимость работой. Кристина — удобная, подобранная матерью марионетка. И Светлана Петровна, дергающая за все ниточки.

— Оксана, спасибо тебе огромное, — искренне сказала я. — Ты не представляешь, как это важно.

— Да ладно, чего уж, — она смущенно замямлила. — Ты держись там, слышишь? Если что, я всегда на подхвате. Эта Кристина ко мне в бухгалтерию как-то заглядывала с претензиями, так я ей такую смету на глаза нарисовала, что она с тех пор мой отдел стороной обходит. — В ее голосе зазвучало знакомое боевое настроение.

Я рассмеялась, и часть тяжести как будто свалилась с плеч.

— Ты лучшая, Оксанка. Обнимаю тебя крепко-крепко.

— Давай, пока, Лисеньш. Не вешай нос.

Положив трубку, я еще посидела, вдыхая свежий вечерний воздух.

Открывая дверь квартиры, я почувствовала, как меня окутало тепло, запах домашнего ужина и... радостный смех. В прихожей, снимая пальто, я застыла от неожиданности. Из гостиной доносился низкий, приятный мужской басок и счастливый, залихватский смех Аленки.

Я вошла в комнату. За столом, уставленным тарелками с остатками пирогов, сидела мама, сияющая, с румянцем на щеках. Напротив нее — Евгений, тот самый водитель, выглядевший уже не смущенным, а вполне себе довольным и домашним. Аленка карабкалась к нему на колени, показывая какую-то игрушку.

— Мамочка! — увидев меня, она сорвалась с места и побежала обниматься. — А к нам в гости дядя Женя пришел! И он мне лягушку из бумаги сделал!

Мама встала, ее глаза лучились счастьем.

— Алисонька, вернулась! Мы уже с Евгением пирожками разговелись. Он такой мастер на все руки, оказывается! И кран на кухне починил, который все капал!

Евгений поднялся, немного смутившись снова, но улыбка не сходила с его лица.

— Здравствуйте, Алиса. Любовь Ивановна настояла... Я ненадолго.

— Да оставайтесь, Женя, чего уж там! — махнула рукой мама. — Чайку еще попьем.

Я смотрела на эту идиллическую картину, и последние льдинки тревоги и страха внутри окончательно растаяли. После ледяного офиса, после истерики Светланы Петровны, этот дом, наполненный теплом, смехом и простым человеческим добром, был настоящим спасением.

— Конечно, оставайтесь, — улыбнулась я Евгению. — Спасибо вам за сегодня. И за маму отдельное спасибо.

Вечер прошел удивительно легко и душевно. Мама расцвела, болтала без умолку, Аленка души не чаяла в новом «дяде», который умел мастерить удивительные вещи из подручных средств. Я молча наблюдала, пила чай и чувствовала, как силы потихоньку возвращаются ко мне.

Когда Евгений наконец ушел, пообещав зайти в выходные и помочь с починкой маминой швейной машинки, я помыла посуду, уложила Аленку и вернулась в гостиную. Мама сидела в кресле, вязала и тихо улыбалась чему-то своему.

— Мам, — села я рядом на диван. — Ты не против, что он... что так получилось?

Она отложила вязание и посмотрела на меня своими добрыми, мудрыми глазами.

— Дочка, жизнь всегда дает нам неожиданные встречи. Иногда именно тогда, когда это больше всего нужно. Он хороший человек. Простой. Честный. И ему одиноко. А нам... нам давно не хватало в доме мужской энергии. — Она помолчала. — А как у тебя, родная? Я вижу, день был непростой.

Я не стала врать. Не стала рассказывать про Светлану Петровну. Но я сказала правду.

— Да, мам. День был тяжелый. Но я справилась. И знаешь, глядя на тебя, на то, как ты умеешь находить радость в мелочах, я понимаю, что все будет хорошо. Мы со всем справимся.

Она кивнула, и в ее взгляде читалась безграничная вера в меня.

— Конечно, справимся. Главное — держаться вместе.

Я легла спать с неожиданно легким сердцем. Сегодняшняя буря осталась позади. Я получила передышку. Ценную, золотую передышку, чтобы перевести дух, собраться с силами и подготовиться к следующим сражениям.

Теперь я знала врага в лицо. Со всеми его слабостями и пороками. И это знание было моим оружием.

Завтрашний день меня больше не пугал. А зря.

Глава 12. Проблема улажена

Алиса.

Среда.

Я с трепетом шла на работу. Смесь разных состояний бурлила во мне: леденящий страх перед новой встречей с Егором, жгучий стыд от вчерашней сцены с его матерью, щемящий интерес к тому, что же будет дальше, и давящая необходимость держаться ради дочки и мамы. Я чувствовала себя разбитой и собранной одновременно.

Войдя в приемную, я поняла, что Егор был уже на работе. Дверь в кабинет была приоткрыта. Он разговаривал по телефону. Я слышала его голос, вернее, не голос, а раскаты грома, полные такой ярости, что по коже побежали мурашки.

— Вы что, сводите баланс в школьной тетради в клеточку?! — ревел он, и стены, казалось, содрогались вместе с дорогими картинами в строгих рамах. — Ты не понимаешь, это же срыв госконтракта на двадцать миллионов! Ты себе хоть представляешь, какая ответственность за это? Они что, по-русски не разговаривают? Как же ты с ними договаривался до этого?!

Мое сердце упало. Проблема с иностранным партнером. Я замерла у своего стола, прислушиваясь. В его крике сквозила не просто злость, а настоящее отчаяние.

— Черт знает что!

В процессе его монолога я поняла — ему срочно нужен переводчик.

А у меня как раз был диплом факультета иностранных языков. И хоть я никогда не работала по специальности, я всегда поддерживала уровень, читая книги в оригинале, смотря фильмы без перевода. Это было мое маленькое хобби, привычка со студенческих времен, островок другой жизни.

Адреналин ударил в голову. Это шанс. Не просто помочь. Доказать ему и себе, что я не «вертихвостка», а профессионал.

Собрав всю свою волю в кулак, я подошла к рокоchущему кабинету и осторожно вошла внутрь, закрыв за собой дверь.

Он не видел меня. Он носился по кабинету, как раненый зверь, с телефоном у уха, дыша огнем. Его лицо было искажено гримасой ярости и бессилия.

Я сделала шаг вперед, чтобы окликнуть его, но в этот момент он бросил телефон на стол, резко развернулся и... увидел меня.

Его глаза, полные гнева, метнулись на меня. Не думая, не осознавая, он стремительно подошел ко мне. И прежде, чем я успела что-то сказать, он с силой уперся ладонями в стену по обе стороны от моей головы, прижав меня к ней.

Мир перестал существовать, исчезло все, кроме него. Его разгневанного, прекрасного лица всего в сантиметрах от моего. Его тяжелого, прерывистого дыхания, пахнущего мятой и гневом. Его знакомого, до боли родного запаха, запаха его кожи и парфюма, который когда-то сводил меня с ума.

Ноги подкосились. Голова закружилась. Пять лет стерлись в одно мгновение. Передо мной был не ледяной начальник, а мой Егор. Тот, кого я любила до беспамятства.

Я видела, как в его глазах, еще секунду назад полных чистого неистовства, промелькнуло что-то другое. Шок. Растерянность. Осознание близости. Его взгляд скользнул по моим губам, и его собственные губы чуть приоткрылись.

Я из последних сил собрала волю в комок. Это не тот момент. Не те чувства.

— Я... я могу помочь, — прошептала я, и мой голос прозвучал хрипло и неуверенно. — С переводом. У меня диплом переводчика.

Он замер. Его тяжелое дыхание было единственным звуком в внезапно наступившей тишине. Он смотрел на меня, не отрываясь, и я не могла понять, что творится у него внутри. Шок от моих слов? Или от нашей внезапной, взрывоопасной близости? От того, что стены, которые он так выстраивал, дали трещину?

Он медленно, будто через силу, отстранился, опустил руки. Его взгляд стал остекленевшим, отрешенным.

— Что? — это был не вопрос, а хриплый, потерянный выдох.

— Контракт, — заставила себя говорить четче, пряча дрожь в голосе. — Английский? Я свободно говорю. Я могу позвонить, все уладить.

Он продолжал смотреть на меня, и в его глазах шла борьба. Гордость, недоверие, отчаяние и какая-то тень... надежды?

Наконец, он резко кивнул в сторону телефона на столе.

— Звони. Немедленно. Номер предпоследний в списке вызовов. Мистер Джонс.

Он отошел к окну, повернувшись ко мне спиной, давая понять, что разговор окончен. Но его плечи были по-прежнему напряжены, а сжатые кулаки выдавали внутреннюю бурю.

Я подошла к столу, взяла телефон и набрала номер. Голос в трубке прозвучал раздраженно и торопливо.

И я заговорила. Гладко, уверенно, подбирая профессиональные термины, гася его раздражение спокойными, вежливыми фразами. Я была не Алисой, его бывшей и секретаршей. Я была специалистом, решающим проблему.

Через пять минут все было улажено. Недоразумение устранено, контракт спасен.

Я положила трубку.

— Все решено, Егор Александрович. Мистер Джонс приносит извинения за недопонимание. Подписание состоится в первоначально оговоренные сроки.

Он медленно повернулся. Гнев с его лица ушел, сменившись сложной, нечитаемой маской. Он смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Спасибо, — произнес он наконец, и в его голосе не было ни льда, ни снисхождения. Была лишь усталая констатация факта. — Можешь идти.

Я кивнула и вышла из кабинета, закрыв за собой дверь. Прислонившись к косяку, я закрыла глаза, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Я думала, что знала врага в лицо. Я думала, что готова к битве. Но я не была готова к этому. К его внезапной близости. К тому, что под маской льда все еще тлеют угли. К тому, что мое оружие — не только знание его слабостей, но и моя собственная сила, которую я сама успела забыть.

Друзья!

Мне приятно, что вы со мной!

Нажав кнопку «Мне нравится», вы дадите мне понимание, что заинтересовались книгой! Подпишитесь на автора, и еще много историй мы пройдем с вами вместе!

Спасибо!

Глава 13. Невеста

Алиса.

Не успела я отдышаться, пытаюсь осмыслить взрывную близость в кабинете Егора, как дверь в приемную с силой распахнулась.

На пороге стояла она. Кристина. Я узнала ее по описанию. Высокая, с идеальной укладкой, в дорогом брендовом костюме. Ее глаза, холодные и оценивающие, мгновенно нашли меня.

— Так это и есть та самая? — ее голос, громкий и пронзительный, разрезал тишину приемной. Она сделала несколько шагов ко мне, высоко задрав подбородок. — Стерва, которая смеет ошиваться около моего жениха?

Я замерла, все еще находясь под властью предыдущих эмоций. Мозг отказывался переключаться. Я просто тупо стояла и моргала, глядя на это разгневанное кукольное лицо.

— Тетя Света все рассказала! — она выплевывала слова, не давая мне и звука вставить. — Как ты унизила Егора! Как переспала с его лучшим другом! Как разрушила ему жизнь! Кто тебе вообще позволил показаться ему на глаза?

Каждое слово било под дых, точнее и больнее любого кулака. Воздух перехватило. Я стояла, парализованная, чувствуя, как по щекам разливается жгучий румянец, а внутри все сжимается в тугую, болезненный комок.

«Что ты можешь знать?» — пронеслось в голове вихрем в ответ этой разряженной, ядовитой кукле. — «Что ты можешь понимать, маленькая Барби, проданная по сговору двух стареющих светских львиц? Ты живешь в мире, где все решают деньги и связи, а не подлые спектакли в гостиничных номерах! Тебя не подставляли. Не делали без вины виноватой. Не отнимали самого дорогого человека, ломая тебе жизнь одним махом. То, что я пережила, не пожелаю и врагу».

Беспомощность душила горло. Хотелось кричать, рвать на себе волосы, доказывать, что все было не так. Но язык не поворачивался. Он будто онемел от давней, вьющейся боли.

И тут, сквозь этот хаос обиды и ярости, как луч солнца сквозь грозовую тучу, пробились мысль о ней. О моей Аленке.

«Самое светлое, что у меня осталось от любви — она. Моя дочка. Мое чудо. Мой лучик света, родившийся из того самого кошмара. Она — мое главное оправдание, мой щит и мой самый большой выигрыш в той подлой игре. Я выстояла тогда ради нее. И я выстою сейчас. Ради нее. Ради того, чтобы у нее была крыша над головой, еда на столе и будущее, которое я сама для нее построю. Все это — ради нее».

Это осознание не сделало меня сильнее физически. Руки все так же дрожали, а на глаза наворачивались предательские слезы. Но внутри, в самой глубине души, что-то твердо встало на место. Я была жертвой, а не преступницей. И я была матерью, сражающейся за своего ребенка.

Я не стала ничего говорить этой расфуфыренной хищнице. Я просто посмотрела на нее. И, кажется, в моем взгляде было уже не отчаяние, а что-то иное. Что-то, что заставило ее на мгновение смолкнуть. Потому что против правды, какой бы горькой она ни была, бессильны любые, даже самые нарядные, куклы.

И в этот момент дверь кабинета Егора распахнулась. На пороге стоял он сам. Его лицо было мрачным, взгляд был устремлен на Кристину.

— Что здесь происходит? — его голос прозвучал тихо, но с такой металлической холодностью, что даже Кристина вздрогнула.

И тут произошла мгновенная метаморфоза. Из разъяренной фурии она превратилась в кроткого, испуганного олененка. Ее плечи опустились, взгляд стал жалобным и невинным.

— Егорушка, милый, я просто пришла тебя проведать, — она заговорила вкрадчивым сладким голосом, делая шаг к нему. — Соскучилась...

— Мне некогда заниматься пустыми разговорами, Кристина, — он произнес ровно, отсекая любые возражения. — Тебе не пора на учебу?

Затем он перевел тяжелый взгляд на меня. И мне показалось — нет, я увидела в его глазах не просто досаду или злость. Там была грусть. Глубокая, старая, как мир, грусть.

— Алиса. Принеси мне кофе.

С этими словами он развернулся и ушел в кабинет, захлопнув дверь прямо перед носом у Кристины, которая уже открыла рот для нового жалобного послания.

Эмоциональные качели добились меня окончательно. Я стояла, чувствуя себя абсолютно выжатой и опустошенной.

Кристина медленно повернулась ко мне. Ее кукольное личико снова исказила злая гримаса.

— Что застыла, прислуга? — прошипела она так, чтобы он не услышал. — Тебе сказано — кофе. Выполняй.

И, высокомерно подняв подбородок, она выплыла из приемной, оставив после себя шлейф дорогих духов и тяжелую, отравленную атмосферу.

Ноги сами понесли меня. Но не к лифту, а в соседнюю дверь — в ту самую комнату для сотрудников с кофемашиной, о существовании которой мне «забыла» сообщить Тамара Павловна.

Мои руки дрожали, когда я ставила чашку под аппарат. Запах свежемолотого кофе немного привел меня в чувство. Потом мой взгляд упал на небольшой холодильник. Я открыла его. Внутри аккуратно стояли упаковки с соками, йогуртами и несколько изящных пирожных в кондитерских коробочках.

Не думая, почти на автомате, я взяла одно — с воздушным бее и ягодами. И поставила его на поднос рядом с чашкой дымящегося черного кофе.

Я вошла в его кабинет, не глядя на него. Сосредоточилась на том, чтобы не расплескать содержимое подноса, чтобы мои пальцы не выдали дрожи.

— Ваш кофе, Егор Александрович, — произнесла я ровным, безжизненным голосом, ставя чашку и тарелку с пирожным на край его стола.

И только тогда я рискнула поднять на него глаза. Он не смотрел на меня. Его взгляд был устремлен в окно, в серую дымку города. Его лицо было усталым и отрешенным. Таким я его еще не видела. Таким... человечным.

Он медленно повернул голову. Его взгляд скользнул по чашке, затем по пирожному. На его лице не дрогнул ни один мускул.

— Вам что-то еще будет угодно? — спросила я, готовая уже бежать отсюда, спрятаться.

Он медленно, почти машинально, взял вилку и отломил крохотный кусочек бее. Поднес ко рту. Прожевал. И снова уставился в окно.

— Нет, — наконец произнес он тихо, все так же глядя за стекло. — Можешь быть свободна.

Я вышла. И за закрытой дверью впервые за этот день позволила себе выдохнуть.

Глава 14. Кто ты?

Егор.

Дверь закрылась за ней, оставив меня наедине с тишиной и дымящейся чашкой кофе. И с этим...пирожным. Безе. Легкое, воздушное, сладкое. Совершенно не в моем стиле. Я ненавижу сладкое. Но она принесла. Не просто кофе, выполняя приказ, а... это.

Я откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. И тут же вспыхнул ее образ. Не тот, что сейчас — собранный, строгий, с холодными глазами. А тот, что был пять лет назад. Смеющийся. С сияющими глазами, полными любви ко мне. Доверчивый.

Потом — резкая смена кадра. Номер отеля. Распахнутая дверь. Она, выходящая оттуда. Растрепанная, испуганная. А за ней — спящий Руслан.

Боль. Такая острая и свежая, будто это было вчера. Она впилась в ребра кинжалом, заставив сжаться. Я не позволил ей ничего объяснить. Что она могла сказать? Все было очевидно. Слишком очевидно. Я выгнал ее. Вычеркнул из жизни. Выстроил вокруг себя ледяную крепость из работы, злости и одиночества.

Одиночества... Да, именно оно было моим единственным спутником все эти годы. Ни друзей — я перестал им доверять. Ни женщин — они были либо подставными куклами моей матери, либо пустыми и неинтересными. Только работа. Бесконечная, всепоглощающая, выжигающая дотла. Я создал империю на чистой ярости и боли. И мне казалось, что так и должно быть. Что я загнал эту боль так глубоко, что она больше никогда не вырвется наружу.

А сегодня... Сегодня она стояла так близко. Я чувствовал ее дыхание. Видел отблески в ее глазах — тот самый испуг, который был тогда в отеле. И что-то во мне сломалось. Рухнула та самая крепость, что я так тщательно выстраивал годами.

Я понял. Понял ужасную, неудобную, горькую правду. Только она. Все эти годы только она одна могла дотронуться до чего-то живого внутри меня. Только рядом с ней это черствое, промерзшее насквозь сердце могло хоть что-то чувствовать. Ярость. Боль. И... что-то еще. Что-то, от чего стало мучительно больно и... пусто без нее.

И ее поступок сегодня... Она спасла контракт. Спасла меня от колоссальных убытков и потери лица. Она повела себя блестяще. Хладнокровна, профессиональна, умна. Та, кого я когда-то знал, была умной и яркой, но эта... эта была сильной. Закаленной.

«Молодец», — пронеслось в голове. И тут же — укол злости на самого себя. Почему я должен хвалить ее? За что? За то, что она сделала то, что должна была?

Но почему она здесь? Зачем ей эта работа? Деньги? За пять лет я нарочно не искал о ней никаких сведений. Хотел стереть. Выжечь каленым железом.

Теперь же это любопытство стало невыносимым. Щемящим, острым, как голод.

Я резко потянулся к телефону, набрав внутренний номер.

— Тамара Павловна, ко мне. Немедленно.

Пока я ждал, мой взгляд снова упал на пирожное. Я медленно, почти против воли, потянулся к нему, снова отломил кусочек. Оно было не приторным, с легкой кислинкой ягод.

Словно она сама. Горько-сладкая. Обжигающая и... спасительная.

Мне нужно знать правду. Кто она теперь. И почему ее появление снова перевернуло весь мой мир с ног на голову.

Егор глазами автора

Глава 15. Досье

Егор.

Тамара Павловна вошла в кабинет через пару минут. Ее лицо было привычной каменной маской, но в глазах читалось любопытство и готовность к услужливости.

— Вы звали, Егор Александрович?

— Садитесь, — я указал на стул напротив, не отрывая взгляда от нее. Мне нужна была правда. Вся. Без прикрас. — Вы занимались оформлением Алисы на работу. Что вам о ней известно? Где она работала? Чем занималась? И я имею в виду не только трудовую книжку.

Тамара Павловна сложила руки на коленях, приняв свой самый деловой вид.

— Конечно, Егор Александрович. Как вам известно, я всегда тщательно проверяю всех кандидатов. Особенно на такую ответственную должность. — Она сделала небольшую паузу, давая понять, что ее действия были исключительно в интересах компании. — Алиса Сергеевна Смирнова. Двадцать пять лет. Не замужем. Окончила факультет иностранных языков нашего университета. По специальности не работала. После того, как она... переехала не в самый благополучный район города, она сменила несколько мест работы: официантка, продавец-консультант, администратор в небольшой стоматологии. Денег, судя по всему, хронически не хватало.

Она говорила правду, сухую и беспристрастную, и каждая фраза была как удар молота по наковальне моего самолюбия. Значит, не сбежала к богатому любовнику. Не жила припеваючи. Страдала.

— И... есть ли у нее какие-то... обязательства? Иждивенцы? — я с трудом выдавил вопрос, боясь услышать ответ.

Тамара Павловна сжала губы в тонкую ниточку.

— Да, Егор Александрович. Именно это и стало для меня главным сомнением в вопросе ее найма. — Ее голос стал ядовито-сладким. — У нее есть дочь. Алена. Четыре года.

Комната поплыла перед глазами. Четыре года. Это значит... Ребенок был зачат тогда. До... того самого... или после? Сердце заколотилось с такой силой, что я боялся, она это услышит. В горле пересохло.

— Отец? — мой голос прозвучал хрипло.

— В документах отец не указан, — Тамара Павловна отчетливо выдохнула, делая многозначительную паузу, чтобы этот факт лег точно в то русло, которое ей было нужно. — Воспитывает ребенка одна. Помогает ей мать, Любовь Ивановна. Живут очень скромно, если не сказать бедно. И, если честно, Егор Александрович, — она понизила голос, будто делаясь страшной тайной, — я крайне обеспокоена. Ее появление здесь... это выглядит крайне подозрительно. Слишком уж настойчиво она искала именно эту работу.

Удовлетворенная произведенным эффектом Тамара Павловна сделала небольшую паузу, давая информации улечься в моем сознании. Затем она добавила то, что, по ее мнению, должно было стать последним гвоздем в гроб моих сомнений.

— И, конечно, главный камень преткновения, — ее голос стал почти шепотом, полным ложного сочувствия. — Ипотека. Дольше всего она проработала администратором в той стоматологии, видимо, наивно полагая, что нашла наконец стабильность и сможет потянуть кредит. Оформлен он был как раз перед тем, как ее уволили оттуда. Совсем недавно. Теперь она с матерью и ребенком на руках висит на волоске от полного краха. — Она снова сделала многозначительную паузу. — И теперь она здесь. Считайте сами, Егор Александрович. Совпадение? Создается впечатление, что она отчаянно нуждается в деньгах и... рассчитывает на вашу былую слабость к ней. Я бы не исключала шантажа или попытки втереться в доверие.

Она умолкла, сложив руки и глядя на меня с видом человека, исполнившего свой тяжелый долг.

Я чувствовал, что Тамара Павловна принесла правду, но уложила ее в аккуратную рамку лжи: «Ребенок без отца. Нищета. Отчаяние. И ее появление здесь — не случайность, а расчетливый план.»

Гнев снова закипел во мне, но теперь он был иным. Не на нее. А на себя. На мать. На Тамару Павловну за ее ядовитые намеки. На всю эту паутину, в которую мы все оказались затянуты.

Она пришла сюда не потому, что хочет меня. Она пришла, потому что ей нужны деньги. Чтобы спасти свой дом. Ради дочки.

Эта мысль пронзила меня острее, чем любое обвинение в шантаже.

— Достаточно, — резко оборвал я ее, голос прозвучал незнакомо. — Можете быть свободны.

Она встала, кивнула с ледяным достоинством и вышла.

Я остался один. Информация стучала в висках, как обвинительный акт. Но обвиняла она не Алису. Она обвиняла меня.

Ребенок. Четыре года. Дочь.

И ее имя — Аленка. Ради нее она все это терпит. Ради нее готова сносить мои унижения, злобу моей матери, интриги Тамары Павловны.

Впервые за пять лет гневная уверенность в ее вине дала глубокую трещину, и сквозь нее проглянуло нечто иное. Жалость? Уважение? И дикое, неконтролируемое желание выяснить все.

Глава 16. Бесконечный день

Алиса.

В этот же день.

Весь этот день я пыталась быть идеальным профессионалом. Роботом. Виртуозом секретарского дела. Я безукоризненно составляла документы, сортировала почту, сверяла графики встреч. Каждую минуту я чувствовала на себе тяжелый, невидимый взгляд из-за глухой двери кабинета Егора. После утреннего инцидента с Кристиной и того взгляда, полного какой-то непонятной грусти, который он бросил мне, я была на взводе.

И вот, краем глаза я увидела, как к его кабинету уверенной, твердой походкой направилась Тамара Павловна. Она не смотрела по сторонам, ее поза излучала такое чувство собственной важности и правоты, что по коже пробежали мурашки. На пороге она замедлила шаг и одарила меня коротким, но емким взглядом. Взглядом победителя, который вот-вот поставит жирную точку в затянувшейся игре.

Дверь закрылась за ней. И все.

Щеки мои запылали, словно от пощечины. В ушах зазвенела тишина, сквозь которую я ясно слышала лишь бешеный стук собственного сердца. У меня не было ни капли сомнений — причина ее визита к шефу была ясна, как белый день. Это была я. Она несла ему досье. Справку на Смирнову Алису. Со всеми потрохами.

Я сжала пальцы так, что кости побелели. Нет. Они не выведут меня. Не заставят снова почувствовать себя униженной и виноватой. Я буду работать. Я буду лучше всех. Я вгрызлась в очередной документ, переводя ярость и страх в дотошное выискивание опечаток и неточностей.

Время в приемной тянулось неестественно медленно. Наконец, дверь открылась. Тамара Павловна вышла. И на ее лице играла та самая, сладостная, таинственная улыбка полного удовлетворения. Улыбка кошки, съевшей не просто сметану, а целый птицеводческий комплекс. Чувство выполненного долга исходило от нее почти физически.

Она прошла мимо моего стола, не замедляя шага, и бросила, даже не глядя на меня:

— Работайте, Смирнова, работайте.

Фраза прозвучала как приговор. Как насмешка. Как пожелание вкалывать на последнем издыхании, ведь конец все равно предрешен. Что это значило? Что она ему такого наговорила? Что он теперь думает?

Но развить эту мысль мне не дали. Резкий, требовательный звонок на телефоне заставил меня вздрогнуть. Я машинально сняла трубку.

— Приемная Егора Александровича, Алиса слушает.

— Соедини меня с Егором! Немедленно! — в трубке прозвучал уверенный, не терпящий отказа голос Светланы Петровны. Ее тон не предполагал возражений.

Внутри все сжалось в комок. очередной удар.

— Одну минуту, Светлана Петровна, — автоматически ответила я и попыталась переключить линию на внутренний номер Егора.

Трубка загудела пустотой. Долгие гудки. Он не отвечал. Возможно, был на другой линии. Возможно, просто не хотел снимать трубку, видя внутренний номер.

Я перевела звонок обратно.

— Светлана Петровна, к сожалению, Егор Александрович не отвечает. Возможно, он занят. Передать ему что-то от вас?

— Что значит, не отвечает?! — ее голос взвизгнул. — Это ты специально не соединяешь! Я знаю! Соедини меня сию же секунду, а то я сама приеду и устрою такой скандал, что тебя вынесут из этого офиса вперед ногами!

Я закрыла глаза, чувствуя, как накатывает волна бессильной ярости. С одной стороны — ядовитая змея Тамара Павловна, доложившая бог знает что. С другой — истеричка, грозящая скандалом. А между ними — он. Молчащий. Не отвечающий. Решающий мою судьбу за закрытой дверью.

— Светлана Петровна, — сказала я, заставляя свой голос быть ровным и металлическим, — я физически не могу соединить вас, если абонент не поднимает трубку. Как только Егор Александрович освободится, я передам ему, что вы звонили.

Не дожидаясь ответа, я положила трубку. Руки снова предательски дрожали. Этот день не просто не собирался заканчиваться. Он собирался добить меня окончательно.

До конца дня Егор не подавал о себе ни единого знака. Дверь его кабинета была глухо закрыта, он не выходил, не звонил по внутренней связи, не отвечал на звонки. Даже телефонные переговоры, судя по всему, он игнорировал. Эта оглушительная тишина из-за его двери была страшнее любого крика.

Когда стрелки часов наконец приблизились к шести, я с облегчением, смешанным с новой порцией тревоги, начала собирать вещи. Набравшись смелости, я решила зайти и спросить, потребуется ли мне задержаться. Нужно было знать, чтобы в случае необходимости предупредить маму.

Я уже потянулась к ручке двери, как она сама резко распахнулась изнутри. На пороге стоял он. Бледный, подтянутый, как струна. Его глаза были темными и абсолютно пустыми.

— Меня завтра не будет в офисе. Отмени все встречи.

И вышел, не сказав больше ни слова.

Я медленно, на автомате, вернулась к своему столу, опустилась в кресло и потянулась к мышке. Монитор ожил, показывая его расписание на завтра. Десяток встреч, каждая — важная, каждая — тщательно выверенная и подготовленная мной.

Механически я начала рассылать письма и смс-уведомления. «Перенос по инициативе офиса». «В связи с внезапно изменившимися обстоятельствами». «Новая дата будет согласована дополнительно». Каждое нажатие кнопки «Отправить» отзывалось тихим щелчком внутри — щелчком обрывающейся ниточки. Моих надежд.

Я представляла, как завтра здесь будет тихо. Как я буду сидеть за своим столом в пустой приемной, зная, что он не придет. Как будут звонить телефоны, и я буду отвечать, что Егор Александрович недоступен. Как Тамара Павловна зайдет с очередной ядовитой улыбкой. Как Светлана Петровна позвонит с торжествующим «я же предупреждала».

Справившись с последним переносом, я закрыла все программы. В офисе было тихо и пусто. Я взяла сумку и вышла, гася свет.

На улице уже стемнело. Прохладный воздух обжег легкие, но не смог прогнать тяжелый камень в груди. Я шла домой, и его слова звучали в ушах навязчивой, безжалостной мантрой: «Меня завтра не будет».

Глава 17. Цунами

Алиса.

Четверг.

Утро началось с тягостного, давящего чувства неопределенности. Я пришла на работу ровно в девять, но каждый шаг по направлению к своему столу давался с трудом.

Его сегодня не будет. Это было все. Ни объяснений, ни указаний на случай форс-мажора. Только эта ледяная, отстраненная информация.

Несколько часов я провела в настоящих мучениях. Мое сердце разрывалось на части от догадок и страха. Что такого преподнесла ему Тамара Павловна? У нее в руках было явно какое-то досье. Он все узнал? Об Аленке. Об ипотеке. Она выставила меня расчетливой авантюристкой, которая пришла шантажировать его прошлым? Каждая мысль вгрызалась в сознание, как раскаленная игла.

Минуты тянулись бесконечно долго. Мои мысли металась меж двух огней: с одной стороны, леденящий душу страх, что Тамара Павловна ему что-то нашептала и теперь он просто избавляется от меня, не желая даже видеть. С другой — тлеющий уголек надежды, что может быть его отсутствие не связано со мной.

Я мысленно уже прощалась с этим местом, готовилась к официальному письму об увольнении.

Пытаясь работать, я просматривала документы, отвечала на письма, но пальцы не слушались, а взгляд постоянно уплывал к этой непроницаемой двери. Что происходило за этой дверью все те часы после визита Тамары Павловны?

Сейчас кабинет был пуст. Дверь закрыта, свет выключен. Тишина в приемной была звенящей, нарушаемая лишь шуршанием бумаг в моих руках и бешеным стуком моего собственного сердца.

Я представляла, где он может быть. На важных переговорах? У врача? Или просто решил не появляться, чтобы дать мне время осознать свое «место» и уйти самостоятельно? Эта неизвестность съедала изнутри.

Когда нервы были уже на пределе, тишину приемной разорвало неожиданное появление Егора.

Сердце упало куда-то в пятки, а затем заколотилось с бешеной силой.

Он вошел быстрым, энергичным шагом, словно не отсутствовал полдня, а просто вышел на пятиминутный кофе-брейк. На нем был не привычный деловой костюм, а чёрный строгий вельветовый пиджак и тёмно-синие джинсы.

Он прошел мимо моего стола, не глядя на меня.

— Зайди, — отрезал он сухо и холодно, не удостоив меня приветствием, и вошел в кабинет, не дожидаясь моей реакции.

Приказ прозвучал как хлопок бича. У меня было чувство, что мимо промчалось цунами, и тяжелая, ледяная волна накрыла меня с головой, пригвоздив к стулу. Ноги стали ватными. Несколько часов мучительного ожидания, и вот он — вердикт. «Что теперь? Огласит приговор?» Я не могла пошевелиться.

Однако Егор ждать не любит. Я заставила себя подняться, сделать шаг, потом другой, переступила порог его кабинета, чувствуя себя осужденной, идущей на эшафот.

Он стоял у окна, спиной к городу, и смотрел на меня. Не читаемый. Не пробиваемый. Совершенно отстраненный.

— Ты ничего не забыла? — спросил он сухо, без предисловий.

В моей голове пронеслись обрывки панических мыслей: «Что? О чем он? Кофе? Отчет? Снова какая-то шарада? Господи, как же я устала ломать голову, устала расшифровывать каждый его взгляд, каждое слово! Неужели нельзя просто говорить прямо?»

— Что вы имеете в виду, Егор Александрович? — мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

— Садись, — приказал он, не отвечая на вопрос.

Я на дрожащих ногах подошла к столу, отодвинула стул и присела на самый краешек, готовая в любой момент вскочить и бежать. Он продолжал молча смотреть на меня, и под этим тяжелым, пронизывающим взглядом было невозможно собраться с мыслями. Казалось, он видит все мои страхи.

— Если ты можешь обойтись без ежедневника, тогда запоминай информацию так, — его голос был ровным, металлическим, лишенным всяких эмоций. — Но, если что-то упустишь, будет наказание.

Он сделал паузу, отвернувшись к окну, давая мне прочувствовать весь вес этой угрозы. Я замерла, не дыша.

— Нужно внести в мой график на завтра обед с иностранными партнерами в ресторане «Гранд-Империял». Ты будешь представлять компанию как переводчик. Естественно, за отдельную плату. — он продолжал, не глядя на меня.

В груди что-то екнуло. Переводчик? Значит... он признал мой профессионализм?

— Нужно все организовать в ресторане и пригласить нескольких человек. Список лежит на столе, — он повернулся и кивнул в сторону стола. — Ничего не перепутай, это очень важно! — он сделал ударение на последнем слове. — И будь добра, завтра оденься соответствующе.

После еще одной небольшой, давящей паузы он так же сухо бросил:

— Можешь идти.

Я механически встала, взяла со стола лежащий там листок, не глядя на него, и почти бегом выскользнула из кабинета, стараясь не оборачиваться.

Только за дверью я остановилась, переведя дыхание, позволяя сердцу выпрыгнуть из груди. Оно колотилось где-то в горле, сжимаясь то от страха, то от странной надежды.

«Обед с иностранными партнерами. Он видит меня в качестве переводчика. Значит, не собирается увольнять? Или... это какая-то новая игра? Новое испытание?»

Я разжала пальцы и наконец взглянула на список. И обомлела.

Помимо имен иностранных господ и нескольких топ-менеджеров компании, в списке значились два имени, которые резанули глаза, как нож:

«Светлана Петровна Богданова. Кристина Александровна Зайцева.»

Кровь отхлынула от лица. Зачем? Зачем им быть на строго деловом ужине? Что это за спектакль? Как это связано с визитом Тамары Павловны? Что он задумал?

Ощущение цунами накрыло меня с новой силой. Но теперь это было цунами из ледяной воды и непроглядной тьмы. Завтрашний день снова не сулил ничего хорошего.

Я погрузилась в организацию ужина с маниакальной дотошностью, пытаюсь загнать панику в идеально составленные письма, успешно забронированный столик и тщательно подобранное меню. Каждый звук из его кабинета заставлял меня внутренне сжиматься.

Он больше не вызывал меня. Не выходил. Не смотрел в мою сторону. К концу дня я была эмоционально опустошена, но горда собой — я сделала все, что было в моих силах. И даже больше.

Перед уходом, уже надев пальто, я заглянула в его кабинет — он засиделся допоздна, уткнувшись в документы.

— Егор Александрович, все организовано. Подтверждения от всех приглашенных получены. Меню и схема столика у вас на почте, — доложила я ровным, профессиональным тоном.

Он не поднял головы, лишь кивнул, уткнувшись в бумаги.

— Хорошо.

Это было все. Ни спасибо, ни одобрения. Но и не упрека. Просто констатация факта.

Рабочий день закончился так же напряженно, как и начался.

Я вышла на улицу. Вечерний воздух был холодным и трезвым. Завтра меня ждало поле боя.

Глава 18. Своя игра

Егор.

В этот же день.

Я не мог бы сегодня оставаться в офисе. Мне нужен был воздух. А еще мне нужна была правда. Любой ценой.

Слова Тамары Павловны жгли сознание, как раскаленные угли. «Дочь. Ипотека. Отчаяние. Расчетливая авантюристка». Картина, которую она нарисовала, была слишком уж идеальной, слишком выгодной для моей матери. И слишком болезненной для меня.

Когда я сказал вчера, что меня завтра не будет, в мои планы входило сегодня найти ответы.

Утром я вызвал к подъезду служебный автомобиль с Евгением. Я не мог ехать на своей машине — ее могли узнать.

— Просто постоим, — бросил я Жене, сидя на заднем сиденье. Он кивнул, без лишних вопросов, привыкший к странным приказам начальства.

Мы заняли позицию в нескольких метрах от ее дома. Я сидел, вцепившись в подлокотник, чувствуя себя последним подлецом. Женя молча курил у открытого окна, бросая на меня редкие, недоуменные взгляды. Он не понимал, что мы здесь делаем.

И вот она вышла. Не одна. За руку она держала маленькую девочку. Девочку со светлыми, выющимися волосами, точь-в-точь как у нее были когда-то, и... моими глазами. Сердце в груди сделало кувырок, замерло, а потом заколотилось с такой силой, что в ушах зашумело.

«Моя?» — пронеслось в голове ослепительной, пугающей молнией. Возраст сходил. Черты... черты были нашими, сплавленными в одно целое.

Они шли, о чем-то болтая. Алиса наклонилась, поправила шапку на девочке, и на ее лице я увидел такую нежность, такую безграничную любовь, что дыхание перехватило. Это не было лицом расчетливой авантюристки. Это было лицом матери, заботящейся о своем ребенке.

Я не сдержал тяжелого, сдавленного вздоха. И в этот момент Евгений, до этого хранивший молчание, обернулся ко мне. Его лицо было серьезным.

— Егор Александрович, я, может, лезу не в свое дело... но это ведь Любовь Ивановна и ее дочь Алиса живут тут? — он кивнул в сторону уходящих фигур.

Я резко перевел удивленный взгляд на него.

— Ты их знаешь?

— Так точно, — он смущенно потупился. — С Любовью Ивановной познакомились недавно. Очень она... душевная женщина. Я к ним домой заходил, кран починить. Они... — он запнулся, подбирая слова. — Они живут очень несладко. Любовь Ивановна-то болеет сильно. Говорила, что после одной некрасивой истории пять лет назад сердце прихватило. Инфаркт. Дочку ее, Алису, тогда, выходит, незаслуженно обидели, подставил кто-то. Она так, не вдаваясь в подробности, рассказывала. А кто эти люди — не знаю. Теперь Алиса одна все на себе тянет. И дочку, и больную мать. Мать-то из-за болезни и не работает.

Он говорил, а у меня внутри все переворачивалось и рушилось. Каждое его слово было новым гвоздем в крышку гроба той лжи, в которой я жил все эти годы. «Инфаркт. Незаслуженно обидели. Подставили. Одна тянет все на себе.»

Стыд, жгучий и всепоглощающий, сдавил горло. Мне казалось, я задохнусь. Я чуть не взвыл от боли, которая разрывала меня изнутри. Это была моя вина. Вина моей семьи. Мы сломали жизнь не только ей, но и ее матери. Из-за нас ребенок рос в нищете.

Я резко откинулся на сиденье, закрыв глаза. В памяти всплыли обрывки прошлого. Как моя мать, с неподдельным, казалось бы, возмущением, раз за разом приносила мне «новые

подробности» того рокового вечера. Как она живописала «коварный план» Алисы. Как настаивала, что я должен вычеркнуть ее из жизни.

А потом я вспомнил Руслана. Его растерянные, отчаянные попытки связаться со мной. Звонки, которые я игнорировал. Я в ярости отрезал все концы, не дав ни единого шанса на объяснение.

Теперь, спустя пять лет, с холодной трезвой головой, эти воспоминания сложились в ужасающую картину. Картину мастерски спланированной провокации.

— Поехали, — хрипло бросил я Жене. — Не в офис.

Мне нужно было найти Руслана. Я поехал по старым адресам, связался с немногими общими знакомыми, которые не были вхожи в круг моей матери. Ответы были однотипными: Руслан уехал. Сначала в Питер, теперь, кажется, в Европу. Надолго. Контакт нет.

Черт! Все нитки обрывались.

Я вернулся в офис после обеда, сжатый, как пружина, кипящий от осознания собственной слепоты.

Но действовать надо было тоньше. Я не мог ничем выдать своего интереса. Ни перед матерью, чья сеть осведомителей была повсюду. Ни перед Алисой, которая смотрела на меня с таким ледяным отчаянием, что становилось больно.

Я вошел в приемную, чувствуя на себе ее испуганный, вопросительный взгляд. Я не мог на нее смотреть.

— Зайди, — бросил я ей, проходя к своему кабинету.

Мне нужно было время. И план. И этот обед с иностранными партнерами... он был идеальным прикрытием. Это был шанс показать ей, что я вижу в ней не только прошлое. И... это был повод пригласить мать и Кристину. Чтобы посмотреть на них всех в одном поле. Чтобы начать свою собственную игру.

Правда была где-то рядом. И я был готов на все, чтобы докопаться до нее. Тайно. Медленно. И беспощадно ко всем, кто лгал мне все эти годы.

Глава 19. Планы на вечер пятницы

Алиса.

Дорога домой прошла в нервном, но уже более оптимистичном ключе. Да, завтра меня ждало суровое испытание — обед с партнерами, матерью Егора и его невестой. Но это был и шанс. Шанс доказать свою профессиональную состоятельность не на словах, а на деле. И, возможно, немного подзаработать.

Переступив порог квартиры, я почувствовала, как с плеч спадает часть напряжения. Домашний уют, смех Аленки и запах маминых кулинарных шедевров были лучшим лекарством. Уложив дочку спать и поужинав, я наконец уединилась в спальне и набрала Оксану.

— Оксанка, привет, ты не спишь? — спросила я, стараясь, чтобы в голосе не дрожали остатки дневной нервозности.

— Лисеныш! Конечно нет! Я вся в ожидании! Как ты? Что там у тебя? — ее голос звенел нетерпением.

Я глубоко вздохнула и выложила все: и про внезапное возвращение Егора, и про приказ организовать обед, и про мою новую роль переводчика.

— Так это же круто! — воскликнула Оксана, когда я закончила. — Отдельная плата! Да ты теперь наш звездный переводчик! У нас этих иностранных партнеров — пруд пруди, если ты себя покажешь, тебя на все переговоры будут приглашать! Это же совсем другие деньги!

Ее энтузиазм был заразителен. Я и сама начала верить в этот светлый сценарий.

— Да, но есть одна засада, — призналась я. — Егор велел одеться «соответственно». А у меня, Оксан, ничего нет. Ни одного приличного платья, в котором не стыдно появиться в «Гранд-Имперiale» рядом с его матерью и Кристиной.

— А, ерунда! — махом отмахнулась подруга. — Это не проблема. У меня как раз есть одно платье, куплено на распродаже, бирка еще висит. Я как раз думала, кому бы его пристроить — мне мало. Как раз твой размер! Я завезу его тебе завтра утром в офис.

Облегчение нахлынуло на меня волной.

— Правда? Ты спасешь мне жизнь!

— Все для нашей восходящей звезды! — рассмеялась она. И тут ее голос стал чуть более таинственным. — Кстати, раз уж завтра такой день... и к тому же пятница... Может, отметим?

— Отметим? — удивилась я. — Что?

— Ну, во-первых, твое повышение до переводчика! — сказала она. — А во-вторых... — она понизила голос до доверительного шепота, — у нас в бухгалтерии новый сотрудник появился, Сергей. Такой симпатичный, кстати. И он меня уже второй день приглашает сходить вечером в клуб. А я одна как-то стесняюсь. Пошли со мной! Развейся немного! Ты же не можешь только работать и сидеть с ребенком, тебе самой отдых нужен!

Мысль о шумном клубе сначала вызвала у меня внутренний протест. Но с другой стороны... Оксана была права. Я заслужила хотя бы пару часов беззаботности. И возможность отвлечься от мыслей о Егоре, о всей этой запутанной истории была слишком заманчивой.

— Знаешь что? А давай, — неожиданно для себя согласилась я. — Только ненадолго. И ты мне всю эту историю с Сергеем расскажешь!

— Ура! Вот это правильно! — обрадовалась Оксана. — Договорились! Завтра я тебе платье принесу, ты блеснешь на обеде, а вечером мы оторвемся! Все как у людей!

Мы попрощались, и я положила трубку, чувствуя странную смесь тревоги и предвкушения. Завтрашний день казался теперь каким-то вихрем событий. Деловой обед, где мне предстояло сражаться за свое место под солнцем. И потом... потом несколько часов обычной, простой жизни. Без сложных мужчин, без интриг, без чувства вины. Просто я, моя подруга с

новым коллегой и громкая музыка, которая, возможно, заглушит на время весь этот шум в моей голове.

Впервые за долгое время я легла спать с мыслью не только о проблемах, но и о маленьком поводе для радости.

Глава 20. Встреча

Алиса.

Пятница.

Утро началось с тихой суеты. Я попросила маму взять на себя Алёнку. И призналась, что сегодня у меня очень важный день в профессиональном плане: у руководителя важные переговоры с иностранными партнёрами, где я буду переводчиком.

Мама всплеснула руками от радости, заулыбалась своей яркой искренней улыбкой.

— Дочка, а в чем же ты пойдешь? — обеспокоенно спросила мама, окидывая мой скромный гардероб взглядом.

— Не волнуйся, мамуля. Оксана меня выручит, принесет платье в офис.

Мама на мгновение задумалась, а затем ее лицо озарилось. — Дочка, подожди... — Она убежала в свою комнату и вернулась с маленькой шкатулкой. В ней на бархате лежала изящная подвеска — чистый, как слеза, янтарь в ажурном серебряном обрамлении. — Это тебе. Пусть будет твоим талисманом сегодня.

— Какая красота! Спасибо! — Я расцеловала ее в щеки.

Когда я пришла, в офисе было непривычно тихо. Егора не было. Я спокойно выпила кофе, проверила почту, но внутри все замирало от напряжения.

Он так и не появился.

Время обеда приближалось, скоро пора было выезжать в ресторан. Я отлучилась в служебную комнату, чтобы одеться и привести себя в порядок. Оксана была рядом.

— Вау, Лиса! Ты просто огонь! — восхищенно прошептала Оксана. — И кулон... он просто создан для тебя, подчеркивает цвет глаз.

Несмотря на то, что я приехала в ресторан заранее, на парковке уже стоял его автомобиль. «Он уже здесь». Мое сердце учащенно забилось. Я надеялась успеть все проверить без его присутствия.

Внутри меня встретила администратор. Егора в зале видно не было. Стол был накрыт безупречно. Я перепроверила все детали и присела в стороне, ожидая гостей.

И вот он вошел. Его взгляд упал на меня, и он замер на секунду. Он смотрел на меня так — пристально, заворуженно, — что я почувствовала, как кровь приливает к щекам. Это был не взгляд начальника. Это был взгляд мужчины, увидевшего что-то прекрасное и неожиданное. Я заставила себя встать и подойти к нему, стараясь сохранить деловой вид.

— Егор Александрович, все готово к встрече гостей. Документы здесь! — и я протянула ему папку с договором.

Он взял папку, его пальцы едва коснулись моих.

— Хорошо, — тихо сказал он. И затем, глядя мне прямо в глаза, добавил: — Ты очень красивая.

От этих слов у меня перехватило дыхание. Я не знала, как мне реагировать. Это не было похоже на Егора — моего босса, холодного, надменного. Это было похоже на моего Егора пять лет назад. На того Егора, который много улыбался, часто делал комплименты и дарил цветы, на того Егора, которого я любила...

В этот момент к нам приближались Светлана Петровна и Кристина. Обе были в дизайнерских платьях, на высоких каблуках. Не дать, не взять — голливудские актрисы.

Увидев меня, лицо Светланы Петровны исказилось от бешенства.

— Сынок, как это понимать? — прошипела она, указывая на меня, как только приблизилась достаточно близко, чтобы ее никто не слышал.

Ее буквально трясло и перекашивало от злости.

— Здесь великие дела решаются, что ей тут делать? Зачем ты притащил сюда эту... предательницу? — Последнее слово она прошептала, слегка наклонясь к Егору.

И одарила меня таким тяжелым взглядом, что мне показалось удар кувалдой был бы мягче, чем этот взгляд.

Ее слова были ядовитыми и острыми. Я опустила глаза, чувствуя, как по щекам разливается жар.

— Аккуратнее в выражениях, мама, — холодно и четко парировал Егор, не отводя от нее взгляда. — Если бы не Алиса, этого обеда не состоялось бы. Ты должна сказать ей спасибо.

- Чтоooo? Никогда! – отрезала она, и взяв тихо стоящую рядом Кристину под локоток, что-то бормоча себе под нос, отошла вместе с ней к приготовленному для нас столу.

Я стояла, сжимая руки, благодарная ему за эту крошечную защиту, но сгорая от стыда и гнева.

Глава 21. Сюрприз

Егор.

Это была важная для меня встреча. Все было готово. Спасибо Алисе, она снова показала себя с лучшей стороны. Подготовлено все безукоризненно. И сама она выглядела прекрасно. А вот мама... в своем репертуаре. Снова попыталась очернить ее на ровном месте. Но я не позволю.

В назначенное время прибыли иностранные партнеры — мистер Джонс и миссис Чен. Процедура приветствия прошла гладко. Когда мистер Джонс, улыбаясь, обратился к дамам, Алиса перевела его комплимент: «Мистер Джонс говорит, что присутствие таких элегантных женщин делает любые переговоры приятнее».

Мама кивнула с надменной улыбкой, ожидая, что все внимание достанется ей и Кристине. Но затем миссис Чен, обращаясь ко мне, сказала: «А ваш переводчик просто очаровательна! Такой изысканный вкус и безупречное произношение».

Алиса перевела этот комплимент, добавив от себя скромное «благодарю вас».

Лицо мамы на мгновение потеряло свою маску уверенности, что стало моей маленькой, тайной победой. Ей было явно не по себе от того, что Алиса, «эта проходимка», оказалась в центре внимания наравне с ней.

Ирония судьбы была поистине изощренной: «та, кого она считала недостойной, сейчас была незаменимым звеном в моей игре.»

Деловая часть прошла безупречно.

Алиса работала блестяще — ее перевод был точен, быстр и элегантен. Партнеры были явно впечатлены, и я ловил на себе их одобрительные взгляды.

Все шло по плану. Я наблюдал за матерью. Она сидела, выпрямившись, с королевской улыбкой, но в ее глазах читалось раздражение. Каждый удачный пас Алисы, каждый комплимент в ее сторону от партнеров — а миссис Чен особенно ею восхищалась — заставлял маму чуть заметно поджимать губы. Я почти наслаждался этим. Почти.

Но я совершил роковую ошибку. Я недооценил ее. Я думал, ее максимум — это ядовитый шепот или холодный взгляд. Я не ожидал такого тотального, публичного удара.

Как только были подписаны последние документы и прозвучали заключительные формальности, мама со сладчайшей улыбкой подняла свой бокал.

— Господа, я невероятно счастлива, что наше сотрудничество состоялось! Это прекрасный повод для праздника! — ее голос звенел фальшивой радостью. — Но у меня есть новость, которая заслуживает настоящего торжества! Я просто не могу больше хранить эту чудесную тайну!

Она многозначительно положила руку на руку Кристины, которая сидела рядом, бледная как полотно. Я видел, как глаза Кристины на секунду дико расширились от шока, а затем она, поняв игру, опустила их, изображая стыдливую скромность. Меня от этого зрелища чуть не вывернуло.

— Моя дорогая невестка, Кристина, ждет ребенка от моего сына! — мама выпалила это так громко, что, казалось, зазвенели хрустальные бокалы. — И вскоре мы сыграем свадьбу! Я приглашаю вас всех разделить с нами это огромное счастье!

В наступившей секундной тишине мне показалось, что я сойду с ума. Этого не может быть. Это ложь. Гнусная, циничная ложь, рассчитанная на один-единственный эффект.

И эффект последовал мгновенно. Мистер Джонс и миссис Чен, с радостными улыбками, бросились поздравлять меня и Кристину, жали мне руку, целовали ее в щеку. Я стоял, окаменев, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя, как по мне ползут ледяные мурашки.

И тут мой взгляд упал на Алису.

Она залилась такой краской, что стало страшно. Она сгорбилась, будто от физического удара, и когда пришлось переводить поток поздравлений, ее голос стал тихим, прерывающимся, безжизненным. Она не смотрела ни на кого, уставившись в какую-то точку на столе. Она просто исчезла. В ее глазах, которые только что сияли от профессионального успеха, не осталось ничего. Только пустота и боль.

Как только партнеры, насытившись зрелищем, начали прощаться, Алиса, едва дождав-шись конца церемонии, пробормотала: «Прощу извинить» и буквально выбежала из зала, не глядя ни на кого.

А мама... Мама ликовала. Она сияла, принимая поздравления, как будто это действительно был самый счастливый день ее жизни. Она добилась своего. Она не просто удалила Алису — она ее уничтожила публично, на моих глазах, используя моих же партнеров как оружие. И она была счастлива.

Я стоял, сжимая в кармане кулаки так, что ногти впивались в ладони. Впервые за многие годы я почувствовал не просто гнев. Я почувствовал животную, всепоглощающую ненависть к собственной матери. Она перешла все границы. И теперь я знал — война объявлена открыто. И пощады не будет никому.

Кипя от ярости, я демонстративно проигнорировал мать и Кристину и уехал, оставив их одних в ресторане.

Глава 22. Ночной клуб

Алиса.

Я вышла из ресторана, и земля ушла из-под ног. Вернее, она была, твердая и холодная, но я ее не чувствовала. Я шла, как автомат, не разбирая дороги, не видя огней города. В ушах гудело, и сквозь это

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.